

Кирилл Кириллов

Витязь особого назначения

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=605795
Витязь особого назначения: Крылов; Санкт-Петербурге; 2011
ISBN 978-5-4226-0149-3

Аннотация

1370-й год. Вокруг княжества Смоленского неспокойно: князь московский Дмитрий объединяет Русь, Золотая Орда опять закипает, король польский стар и вот-вот под боком грянет война за опустевший трон. Тут хотя бы прикрыть спину от польских притязаний. И князь смоленский отправляет своего сына в Краков, задумав женить его на тамошней принцессе. Но доехать юноше суждено было только до Полесья, что на границе Смоленского, Польского и Литовского княжеств. Там юноша пропал. Как и все, кто был вместе с ним. Масштабные поиски на чужой земле затевать нельзя. Что же делать? Князь смоленский зовет на помощь витязя Ягайло (сына литовского князя Ольгерда, будущего героя Грюнвальдской битвы, будущего польского короля под именем Владислав II и основателя династии Ягеллонов), известного воинской доблестью и дипломатическим талантом.

Чтобы исполнить поручение князя, витязю Ягайло придется пройти сквозь болота и степи. Через дворцовые интриги и жаркие сечи. А заодно и определить судьбу восточной Европы на ближайшие полвека.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	17
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Кирилл Кириллов

Витязь особого назначения

Глава первая

Солнце медленно садилось за лес, последние закатные лучи просачивались сквозь густую листву. Из-под темных крон на торную дорогу выползал вечерний холодок, пахнувший хвоей и грибами. Мелкая живность скользила в траве, стараясь успеть в норку до наступления темноты. Птицы шуршали в ветвях, устраиваясь на ночлег. Вниз сыпались ошметки коры и маленькие веточки. Лес засыпал. Только уханье готовящегося к охоте филина да далекое карканье воронов иногда примешивались к тяжелому шагу подкованных железом копыт.

Угольно-черный конь по имени Буян уверенно шел знакомой дорогой, изредка всхрапывая и позвякивая бляшками наборной уздечки, которая свободно лежала у него на шее. В переметных сумах терлись друг о друга наспех собранные в дорогу пожитки. Седло с высокой лукой поскрипывало под наездником – крепким и кряжистым, как едва обтесанный водой камень. К стремени был приделан кожаный мешочек, где прятался окованный железом комель тяжелого копья. О другое стремя бился колчан со стрелами и сильно изогнутым луком. Тетива была снята, чтоб не перегибать дерево и не стирать костяные накладки.

Ягайло – так звали всадника – сидел ровно, как свечка, лишь иногда движением колена напоминая тянущемуся мягкими губами к придорожной траве коню, кто тут хозяин. Его большая рука покоилась на рукояти короткой сабли в расшитых золотой нитью ножнах, привешенных к тонкому кушаку, повязанному поверх наборной кольчуги с круглыми бляхами на груди. Гриву соломенных волос всадника покрывал островерхий шишак с узким, но крепким наносником. Шаровары с кожаными вставками были заправлены в красные сапоги с загнутыми вверх носами и небольшими каблуками, чтоб нога не выскальзывала из стремени. Спину прикрывал италийского сукна плащ с меховым подбоем, при случае способный защитить и от стужи, и от мороси.

Витязь был задумчив. Уже под вечер в его одинокую избу на опушке леса прискакал взмыленный княжий стряпчий¹ Акимка² с горящими то ли от недосыпа, то ли от лихоманки глазами. Не слезая с седла, испил водицы и сорванным голосом прохрипел, что князь желает пред свои очи немедля. И умчался, безжалостно шпоря коня. Ни грамоты с собой не привез, ни даже ярлыка княжьего не показал. Если б не многолетнее знание посланца сего... Случилось у князя что-то неладное, если понадобился он, да еще и так скоро. Не война ли? Не набег? Да вроде тихо все. И Орда, и московские князья последнее время в тишине и покое пребывают. Если только литовский принц Ольгерд войной пришел неожиданно, не зря про него говорят: «Велика рать, а ходит как тать». Да ему б с чего? Нет у него на Руси верней союзников, чем смоляне.

Покидав в седельные сумы все, что могло пригодиться в дороге и схватке, подперев дверь батожком, чтоб лисицы не забрались, витязь двинулся в столицу. Ни людишек лихих, ни хищных зверей тут давно не водилось. Последних повывели да повыгнали еще при Иване, отце нынешнего князя, а новые, под бдительным оком достойного преемника, как-то не заве-

¹ Стряпчий – придворный чин, следующий ниже за стольником. Стряпчие выполняли различные поручения царя, служили городовыми и полковыми воеводами.

² На Руси уменьшительно-ласкательное произнесение имени считалось знаком особого расположения.

лись. Пытались, было дело, но дружина, в которой тогда служил и Ягайло, отроком еще, жесткой рукой наводила порядок в местах сих. А позже, когда...

За дремотными воспоминаниями ночь пролетела незаметно. Когда же солнце начало золотить верхушки деревьев, он уже подъезжал к белокаменному красавцу Смоленску. Крестьянские избы, раскиданные под стенами, медленно просыпались. Над крышами закурились первые дымки, ноздри щекотал аппетитный запах поднимающегося теста. Мычали коровы на утренней дойке, свиньи хрустели свежей ботвой, резвыми стайками выбегали во дворы куры, стремясь первыми успеть к корытам с просом. Холопы с острыми косами на плечах выходили на сенокос.

В посадах просыпался рабочий люд, взвизгивали пилы, выгрызая первые опилки из огромных бревен. Слышались пристуки молотков камнетесов, разгорались горны ковалей. Купцы хриплыми со сна голосами зазывали в лавки первых посетителей. На богатых подворьях начинались большая стряпня и стирка. Что-то гроыхало и катилось. Ругался меж собой дворовый люд. Светловолосые мальчишки, воровато оглядываясь, разбегались по улицам, готовясь к шалостям и проказам.

И темной кляксой посреди отрадной сердцу каждого человека картины высился княжий кремль. Солнце будто и не касалось его белоснежных стен. Окованные бронзой ворота наглухо закрыты, будто в осаде. Стражники на зубчатых башнях замерли каменными бабами степными. И только вороны черной ордой реяли над маковкой одноглавой, на византийский манер, колокольни. Что за напасть? Не болезнь ли какая заразная в княжьем тереме приключилась, что все закрыто наглухо и караулы везде? Только зачем тогда витязя звать? Саблюкой-то болезнь все равно не изрубишь... Ну да рассуждать и пугаться заранее было не в характере витязя. Он смело направил коня прямо к закрытым воротам. Переехал опущенный мост, остановился в пяти локтях от ворот и, обтерев пальцы о полу плаща, засунул их в рот.

Переливчатый посвист встрепенул стаю упитанных псов, сбежавшихся со всех окрестностей попить на куче специально вынесенной им требухи. Даже очищающие ров от ила и нападавшего мусора мужики подняли головы. А их внимание привлечь было совсем не просто – во рву случалось находить гребешки, ножи, а то и монеты. Но княжий двор оставался безмолвен. Витязь покачал головой и свистнул еще раз. В надвратной башне зашебарашились. Из узкой бойницы свесилась длинная козлиная борода в три волоса, над которой подозрительно поблескивали маленькие свиные глазки. Явно не из караула, из чиновного людя скорее. Тиун³ али дьяк. В бороде открылась гнилозубая щель.

– Кто таков и зачем пожаловал? – донеслось сверху.

От такой наглости витязь аж оторопел.

– Как кто таков? Это ж я, Ягайло! По княжьему велению, пред его очи.

– А ну, грамоту покажи, – подозрительно перекопилось свиное рыло.

– Нету грамоты! Акимка сам приезжал на вечерней зоре, изустно передал. Найди его да спроси, коль мне не веришь.

Голова нырнула обратно в бойницу. Ягайло подождал еще минуту, перекинул ногу через луку седла и, подойдя к воротам, ударил в них пудовым кулаком.

– Открывайте, черти, чтоб вас!

Наподдал ногой для верности.

За воротами завозились. В бойницу снова высунулось свиное рыло и затрясло бородой.

– Почто шум поднял, витязь? – проблеял тиун.

– Не привык я, чтоб меня в палаты звали, а потом от ворот поворот давали! – Витязь снова бухнул ногой по тяжелой створке.

³ Тиун (тивун) – название княжеского или боярского чиновника, управителя. В Великом княжестве Литовском и в Московском государстве до XVII в. – название некоторых должностей.

– Обожди воин, не гневись. – Тон человека стал не таким колючим, примирительным. – Сейчас в палатах разберутся.

Витязь гневно хмыкнул и присел на большой камень неподалеку. Сорвал травинку, скусил мягкий зеленый стебель и задумчиво пожевал. Сплюнул зеленым на зеленое. К Ягайле подковылял большой пегий пес с вислыми ушами. Он прихрамывал на переднюю лапу и вид имел несчастный и просительный.

– Прости, брат, у самого росинки маковой во рту не было, – почесал его за ухом Ягайло. Пес прикрыл глаза и тяжело вздохнул.

– Правда нет, – сокрушенно покачал головой Ягайло.

Тот, почувствовав скрытую в этом мощном теле любовь к зверям собачей породы, закатил под лоб карие глаза и бухнулся на спину. Растопырил лапы и бесстыдно подставил розовое брюхо. Ягайло улыбнулся уголком рта и почесал песьи ребра. Пес дернул ногой от удовольствия и вывалил прямо в пыль длинный розовый язык.

Рядом с его головой ударило в землю тяжелое подкованное копыто. Облаком поднялась пыль. Пес как ошпаренный вскочил на четыре лапы и стрепетнул прочь, куда и хромота дедалась. Ягайло посмотрел в черные, горящие злобой глаза своего коня.

– Ты чего, Буян? – удивился он. – Я ж ничего, а он тоже в любви и заботе нуждается, вишь хворый какой-то, несчастный, хоть и здоровый, аки теленок.

Конь презрительно фыркнул, развелось, мол, тут всяких.

За воротами заскрипел поднимаемый брус. Створка приоткрылась ровно настолько, чтоб пропустить человека и его коня. Ягайло поднялся на ноги, взял Буяна под уздцы и повел на двор. Там его встретил расхристаный и всклокоченный Акимка в сопровождении двух ратников с бердышами.

– Прости, Ягайло, заставь этих буквоедов Богу молиться – они себе лбы порасшибают. Велено им, видишь ли, только с личного поручения князя, они и... Прибежали... Я им говорю пустить, а они – нет, говорят, сам приходи. Ничего сами решить не могут, чихнуть без соизволения боятся, чиновное племя!

Он зло пнул кадушку, поставленную для караула. Ковш стукнул о край, разгоняя по воде круги.

– Да чего тут у вас стряслось-то? – спросил донельзя удивленный таким поведением не по годам вострого умом и рассудительного стряпчего Ягайло.

Тот открыл было рот, но подозрительно глянул на ратников, окинул внимательным взором верхушку стены и махнул рукой:

– В палаты пойдем, там тебе все расскажут.

Витязь пожал плечами, бросил одному из ратников повод и, велев, не расседывая, напоить, поспешил за Акимкой, который стремительно неся к стрельчатому входу в княжьи покои. Догнал у самой двери и пошел вровень. После зарождающегося снаружи зноя извечная прохлада каменных палат была даже приятна. Только затхлый плесневый запах, вроде бы едва заметный, но не забиваемый ни восточными благовониями, ни кухонными ароматами, тревожил, намекал на плохое. Челяди тоже видно не было, лишь доносились издали шепотки да топанье пяток, говорящие о ее присутствии.

Двое дюжих молодцев с короткими секирами на плечах распахнули перед ними двери зала, в котором обычно князь встречал гостей. Комната была пуста. Лавки поставлены на деревянные столы ногами кверху. На сиденье, кое иные называли тронем на свейский али аглицкий манер, была наброшена волчья шкура. Факелы на стенах не горели, отчего в зале царил полумрак. Привычный Акимка шел не разбирая дороги, а Ягайле пришлось мелко семенить, стараясь одновременно не зашибить о нечаянное препятствие ногу и не отстать от резвого проводника. Они подошли к малозаметной двери. Из тьмы выскочил сторбленный человек, шириной плеч и толщиной рук способный соперничать с иным медведем. Он вни-

мательно осмотрел посетителей и даже, кажется, обнюхал, а потом деликатно, костяшкой одного пальца постучал в дверь условленным стуком. Тук. Тук-тук. Тук.

Дверь бесшумно отворилась, и долговязый Акимка, пригнувшись, дабы не задеть головой низкую притолоку, нырнул в проем. Ягайло, подобрав полы плаща, последовал за ним. Светелка в которой он оказался, была вчетверо меньше зала для приемов, но почти точно такая же. Вдоль стен – столы с лавками, но не для трапез, а для чтения бумаг и письма. Очиненные перья, чернильницы заграничного стекла, кованые свечные фонари, открытые на одну сторону, чтоб иным писарям не мешать. Несколько книг, вороха свитков и берестяных грамот. У дальней стены на возвышении малый трон. На троне князь. Не старый еще мужчина с широкой грудью, тяжелым подбородком потомственного воителя и набрякшими от недосыпа веками. Под княжьей десницей пардус⁴ – пятнистый пес с кошачьей главой. При появлении незнакомцев он вздыбил на холке шерсть, зашипел и привстал на могучих лапах с неубирающимися когтями, но, повинуясь успокаивающим движениям, снова улегся и блаженно прикрыл глаза.

За тронем несколько человек родственников, из ближних и самых ближних. Дядька, княжеские братья, племянник безвременно усопшей княгини – туповатый детина, но боец знатный, и младший княжий сын. На лице княжича застыла гримаса неприязни и презрения. Видно, он только что говорил отцу что-то дерзкое, и прервавшее его на полуслове появление чужаков княжича сильно разозлило. Ну да то его беда, подумал Ягайло, внимательно оглядывая скорбные лица других родственников. Не желая более гадать, что стряслось, он отвесил всем поясной поклон и обратился к князю:

– Здрав будь, князь Святослав Иванович. Почто звал?

– Беда у нас, Ягайло, – немного помедлив, разлепил тонкие губы князь. – Беда!

За тронем зашептались: зачем же, мол, чужому-то все сразу начистоту? Акимка, на которого взглянул Ягайло, потупил взор.

– Ежли за мной послали, а не за пономарем, стало быть, поправима беда, – сказал Ягайло и, секунду подумав, добавил: – Наверное.

– Сыне мой старшой пропал. Глеб.

У витязя противно засосало под ложечкой. Первым его порывом было утешить князя, мол, заблудился в лесу, али к девкам пошел да и запил горькую, хоть на Глеба то не сильно похоже. Но, сообразив, что все леса уже прочесаны, все гуляющие девки проверены и все значные места перетрясены и вывернуты наизнанку, спросил о другом:

– Давно ли?

– Шестой день уж пошел, – глухо ответил князь.

Ягайле стала понятна усталость на лицах Акимки, князя и родственников. Искали, видать, очей не смыкая.

– Долгонько. А я пошто тебе надобен? Мое дело – сеча, не сыск.

– Нет на обычный сыск надежды уже.

– Понятно. – Ягайло снял шлем и почесал в затылке. На самом деле ничего ему было не понятно. – А где хоть пропал-то?

– В Полесье.

– Ох ты, – удивился Ягайло. – Да как же его занесло туда? Что там князьему сыну делать? Да и Полесье – край немалый, глухой, лесистый да болотистый. Там в одиночку не совладать, людей надо поднимать, выстраивать цепью во всю ширь да прочесывать каждый куст.

– Ты князя-то поучать не смей, – донеслось из темноты за тронем. – Дерзок боль...

⁴ Пардус – гепард.

Князь поднял десницу, и голос стих. Пардус открыл бесовские глаза и огляделся хищно.

– Вишь ли, Ягайло... – раздумчиво произнес князь, а потом словно решил: – А... С самого начала расскажу. Задумал я Глеба женить на принцессе польской.

– Которой из них? Две там на выданье, я слыхал.

– То не важно, какая согласится, – отмахнулся князь. – Важнее, что уж больно они в силу вошли, а против родственника воевать не будут. Да и Орда что-то опять закипела. Если на Русь пойдет, нам первый удар принимать. В одиночку, если только Ольгерд не поможет... Да он же не задаром поможет. Можайск захотит али еще каких земель. А так, глядишь, и краковские с люблинскими на подмогу придут. Родственники, чай. Противился отрок, да я настоял, старый дурак, отправил на смотрины... Да тайно, чтоб не пронюхал кто, а то такие нынче тут клубки меж княжеств плетутся... Паукам на зависть. А чтоб, значит, все ладно было, отправил вперед гонцов. Чтоб они из заградного полка к тем, что в обозе поедут, еще дюжину-другую ратников поосанистей выделили да довели до польского двора караулом. Те выдвинулись, стали лагерем у дороги, да в условленное время княжича не дождались.

И на следующее утро не дождались. Тогда отправили дозорного по дороге, посмотреть: вдруг помощь какая нужна? Колесо, там, у телеги отвалилось, али лошади пали... Так он до стольного града и доехал, обоза не встретив. Встревожился я, Акимку туда послал, посмотреть, что да как. Умом востер сей отрок не по годам.

Акимка раскраснелся, как девица, поковырял половицу носком сапога.

– Он все оглядел, – продолжал князь. – И верстах в пяти от отряда нашел у дороги ключья ткани, из одежд вырванной, да стрел несколько сломанных, да пятна крови на траве, что зверье подлизать не успело. Да следы в глубь болот. И тележные, и людские.

– А чего ж по следам не пошел? – изумился витязь.

– Пошел, да недалече. Болотники там в охране, многие числом, – подал из угла голос Акимка. – Там не то что сыск, там огонь и меч потребны.

– Народ сей дикий, конечно, но слово свое исправно держит, – удивился Ягайло. – У нас же с ними замирение. Дедом твоим скрепленное еще, князь. С чего б им его нарушать? Вроде никаких меж нами заруб в последнее время не было. Да они и раньше-то из топей своих носа не казали и к себе дорогу заказывали. На кой ляд им княжич?

– В том и закавыка, – продолжал Акимка. – Им незачем с нами отношения портить. И люди вроде болотники, да не совсем. Странные какие-то. Я из-за веток плохо рассмотрел, но не похожи.

– А ты болотников видал хоть раз до того? А то, может, помстилось чего со страху?

– Болотников не видел. Но по мне, так они на одно лицо должны быть и в одеже ихней сходство иметь. И говорить одинаково. А эти все разные какие-то, с миру по нитке...

Витязь малость поразмыслил.

– То ни о чем не говорит. Мало ли, откуда пришлый люд среди них затесался.

– То верно, – согласился Акимка. – Но и стрелы вроде болотников, а на деле не их – перо не здешнее, да и дерево тож. Но вот глиной обмазаны да тиной заляпаны, будто нарочно хотели, чтоб на болотный народ подумали... А напали тати с умением великим. Обозных-то народу, почитай, две дюжины, оружных много, да и в ратном деле охранители княжича не из последних. Бегать, обратно, резво могли. А их взяли. Да так, что никто не убёг и до отряда ожидающего не добрался, подмогу кликнуть. Ждали там княжича, крепко ждали.

– А можно на те стрелы взглянуть? – спросил Ягайло.

Князь кивнул головой, и Акимка поднес витязю деревянное блюдо, на котором лежали два обломка. Оба без наконечников. Один размочаленный, словно стрела попала в камень и разлетелась от собственной силы. Вторая сломана посередине, с бурыми пятнами на светлом

сломе и напоминающих совиные перьях. Будто глубоко засевшую в ране стрелу обломали, чтоб вытащить наконечник с другой стороны.

– Да, не здешние то стрелы, – пробормотал Ягайло, проводя пальцем по оперению. – Южные. Греческие али латинские. Скорее греческие, они так обычно оперение вяжут. И древки у них толще, как у стрел для поля. Болотникам такие ни к чему, в лесу промеж деревьев и кустов с большими да длинными не развернешься. Хотя всяко, конечно, бывает, – неопределенно закончил Ягайло и бросил обломки обратно на поднос. – А наконечников нет?

– Нет, увы, – вздохнул Акимка.

– Вот потому и не уверены мы, что болотники то сделали, – снова вступил князь. – Потому и прочесывания устраивать не хотим, чтоб войны не вызвать. Она нам сейчас нож по горлу. А польский король обидеться может, подумает, пренебрегли мы его дочерью. Побрезговали. А они обидчивые, пся крев, затаят злость и отомстят при случае. Пойдут ханы войной, так эти во фланг ударят да еще и земель оттяпать захотят. Знаем мы их. А московское княжество в спину дышит. Митька⁵, Иванов сын, воду мутит. Козни плетет и заговоры строит. Да князья рязанские. Тоже волки, хоть и единокровные. Эх...

– Княже, а нельзя с теми болотниками договориться?

– Трудно их сыскать. Они людям не кажутся, своим разумением живут. Денег не признают, потому и хозяйствуют сами, меняя друг у друга, что нужно.

– Все равно, мыслю, можно посольство отрядить али куда на торжище сходить, где они бывают, да и переговорить с нужными людьми. Чтоб они сами княжича по своим болотам поискали; кому и знать те места, как не им. Вознаграждение посулить, конечно, не без того...

– Вот тебя и пошлем. Тут ведь посольство нужно не такое, как в свейские земли или к ливонцам, с грамотами верительными и подарками, а похитрее. Чтоб без огласки сильной, но с понятием. Кого надо, расспросишь по-свойски, кого надо, в бараний рог скрутишь. А если подольститься к кому али обман учинить, так вот Акимка с тобой отправится.

– Князь! – вскричал обиженный отрок. – Почто меня льстецомставляешь?!

– А ты не кипятись, – оборвал его правитель. – Посольская служба, она иногда зело важнее ратных подвигов. Знаешь, сколько душ может уберечь от геенны огненной одно вовремя реченное слово?!

– Или нереченное, – добавил Ягайло.

– Или нереченное, – согласился князь.

Акимка разомкнул было уста, чтоб возразить, но понял намек и смолчал. Князь улыбнулся в бороду и едва заметно, но с видимым удовольствием кивнул. Ягайло в который раз подивился сметливости отрока.

– Отец, – выступил на свет младший княжич, до этого прятавшийся в тени за троном. – Предлагаю ж я: давай им другого сына сосватаем.

Князь оглянулся и вопросительно поднял бровь:

– Это кого же? Тебя?

– Да хоть и меня! – выпалил княжич. – Нешто я Глеба хуже?

– Мал ты еще, Юрий, – устало, будто не в первый раз, ответил князь. – Да горяч не в меру, все норовишь поперек взрослых в беседу встрять. С ляхами так негоже.

– Но отец...

– Цыц! – рявкнул князь и перевел взор на Ягайлу. – Прошу тебя, витязь, отправляйся туда, посмотри на месте, что и как. У меня уж совсем руки опустились.

⁵ Дмитрий Иванович (1350–1389) – великий князь Московский (с 1359 г.) и Владимирский (с 1362 г.). При нем в 1367 г. построен белокаменный кремль в Москве. Возглавил борьбу против монголо-татар. Руководил их разгромом в битве на реке Воже (1378) и в Куликовской битве 1380 г. (верховья Дона), за что был прозван Донским.

Князь вздохнул. За троном раздались приглушенные шепотки. Зря это он, подумалось Ягайле. Они хоть и родственники, да нельзя перед ними слабость выказывать, вмиг на клочки разорвут. А ведь всяко может случиться: что, если кто из них Глеба со свету сжить и затеял? Сначала старшего, а потом этого, младшего... И самому на престол – шашь? Надо б к этим родственникам присмотреться по возвращении, а еще лучше Акимке перепоручить, он в этих делах лучше понимать должен.

– Все, иди, Ягайло, – пробормотал князь, давая понять, что разговор окончен. – Акимка тебя в палаты проводит да яств сообразит, если надо. Хочу, чтоб завтра с первыми петухами вы в путь отправились.

– Слушаю, князь, – поклонился в пояс Ягайло. – С рассветом выступаем.

Он развернулся и вслед за молодым порученцем пошел к низкой двери.

– Витязь, если нужда в чем есть, доспех какой или иное что, Акимке скажи, он найдет. Казна на дорогу тоже у него будет. Рублей щедро отсыплю.

– Спасибо, княже, – еще раз поклонился Ягайло.

– И это... – раздалось ему в спину.

– Да, княже?

– Сами разумеете, знаю, но напомнить не лишне. Молчите о деле этом, пока оно не разрешится окончательно. Неважно, к добру или к худу.

– Понимаем, княже, – ответил за двоих Ягайло. – И дозволю совет дать.

Князь благосклонно кивнул.

– Ослабь караулы да ворота открой, чтоб люд торговый мог в ряды прийти, как привык, а то от кремля твоего за пять верст горем разит.

– И то верно, витязь. Спасибо тебе. Вы ступайте, а мы тут еще по-родственному посудачим.

Они снова отвесили поясные поклоны и вышли из светелки. Молча пересекли большой зал и углубились в паутину коридоров. При Иване, отце нынешнего князя, многие палаты перестраивали, где разгораживали, где несколько горниц сводили в одну, и теперь не заблудиться в этих катакомбах мог только привычный к ним человек.

– Правда, витязь, нужно тебе что? – спросил Акимка.

– Да нет, все свое с собой, а чужого не надо, – пошутил Ягайло. – Разве что водицы родниковой пусть принесут, в горле пересохло.

– Может, кваску хмельного али чего покрепче?

– Спасибо, друже, но не надо. Завтра голову лучше иметь светлую, да и перестал я хмельное пить совсем, – вздохнул Ягайло.

– Давно ли? – удивленно воззрился на него Акимка и даже сбился с шага.

– Да с того времени, как мы тогда с тобой в корчме⁶ погуляли.

– Так они ж первые начали! С ножичками да с дрекольем. Вот и воздалось им по заслугам!

– Да по заслугам, конечно, но души их загубленные на мне, – вздохнул Ягайло.

– Думается мне, не первые то души и не последние далеко, – хмыкнул Акимка.

– То и печалит. Боюсь, уж и не успею всех грехов отмолить.

– Ладно, витязь. Не горюй на ночь глядя, от этого сны дурные приключаются. – Он остановился у неприметной двери, распахнул ее перед Ягайлой. С той стороны звякнул тяжелый засов. – Ложись вон спать, утро вечера мудренее. А девку с водицей я тебе пришлю.

– Слушай, Акимка, а с чего князь Глеба, старшего сына, женить хочет, а не Юрия, младшего?

⁶ Корчма – питейный дом, не откупной, с вольной продажей, иногда постоянный двор с продажей крепких напитков.

– Да дядья и кумовья всякие, похоже, зуб на княжеский престол точат. Глеб у нас тихий уродился, да хитрый и решительный, а Юрий взбалмошный, но в чужих руках мягок и податлив. Хошь горшки из него лепи, хошь веревки вей. Вот и надоумили они князя Глеба от двора отослать. Чтоб он в Королевстве Польском остался, может статься, и с концами.

– А чего ж ты молчишь, скажи князю о том.

– Зелен я еще князю советовать, – вздохнул Акимка. – Он меня выслушает, конечно, да не поверит. А то и палок на конюшне высыпать велит, чтоб напраслины на его родню не возводил.

– Как бы не пришлось потом за неверие такое локти кусать, – покачал головой Ягайло.

– Ты за свои локти сильнее переживай, – ухмыльнулся отрок. – А они уж во дворце сами как-нибудь перегрызутся. Ладно, витязь, все, иди ты спать. И так лишнего наговорил сверх всякой меры.

Ягайло кивнул и направился к своим покоям. Зашел в комнату, расстегнул застежку плаща и бросил его на покрытое соломенным тюфяком деревянное ложе. Снял с головы шлем и положил его на крепкий стол. Снял пояс с сабелькой и поставил ее в углу, дабы удобно было схватить, если что. Стянул через голову кольчугу. Вынул метательные ножи из-за голенищ и снял сапоги. Завалился на топчан, вытянул ноги, заложил руки за голову и блаженно прикрыл глаза. После дня сегодняшнего, проведенного в седле, и перед днем завтрашним, который будет проведен в седле же, отдых был особенно сладок.

В дверь тихонько поскреблись.

– Кто там? Входи уже, – пробасил Ягайло, кладя ладонь на нож.

Дверь приоткрылась без скрипа, и на пороге замерла девица, простоволосая, в белом платье до пят. Едва колыхая подол, она просеменила к столу и поставила на него глиняный кувшин. Застыла, словно ожидая чего-то.

– Ну, чего столбом стоишь? – поднял брови Ягайло. – Надо что?

– Акимка сказал, – пролепетала девица, – что если вы чего захотите... Чтоб я это... – Щеки ее загорелись пунцовым румянцем, заметным даже в мерцающем свете тонких свечей.

– Тьфу, охальник, – поморщился Ягайло. – Иди, девица, отседова, не надо ничего от тебя. Почивать я буду.

Та улыбнулась и рыбкой выскользнула за дверь. Ягайло поднялся, задвинул тяжелый засов, задул свечи и снова вытянулся на ложе, заложив руки за голову. Закрыв глаза. Перевернулся на бок, потом на живот. Повздыхал. Сон не шел. Его перебивали невеселые думы. И даже не о предстоящем походе, за годы службы он повидал такого, что пропажа княжеского отпрыска казалась детской забавой. Из головы не шли давешние слова князя. Выходило по ним, что кругом враги. С одной стороны Орда, с другой – поляки, с третьей – Московия, и каждый норовит поживиться. И ведь поживится, чуть слабинку дашь. Может, один, а может, и в сговоре. И чтоб того не случилось, князю самому надо в сговоры вступать, интриги плести, изворачиваться и пугать соседей, чтоб тем даже на ум не пришло. А не то...

Перед его мысленным взором встала оцетинившаяся копьями железная стена тевтонских рыцарей, надвигающихся мерным, обманчиво-неспешным шагом. Стремительно мчащиеся на невысоких лошадках орды кочевников. Падающие под ударами кривых сабель мужики в белых рубахах. Уволакиваемые в полон за косы бабы, плачущие детишки. Пепелища и обугленные яблони, роняющие в пепел белые лепестки.

А если ничего о том не знать и не думать, то как славно в княжестве живет: тишь, благодать и красоты неземные, что зимой снежной, что летом жарким. Да, пожалуй, одной княжьей дружины для оберега границ будет маловато. Вот бы всех мужиков на некоторое время, зимой, когда работ немного, сгонять в одно место да учить копьем пользоваться. А понеже топором и вилами, чтоб могли отпор дать тем, что под рукой есть. Да в строй вставать и держать его перед неприятелем. И повторять раз в год. Чтоб науку ратную не забывали.

Он и не заметил, как уснул за этими воинственными мыслями. И снился ему какой-то странный сюжет из недавно читанного греческого свитка, будто огромный голый мужик с дубиной наперевес гонится за худющим облезлым львом и кричит что-то неразборчивое. Настигает и начинает бить по голове часто и мелко, а лев, закатив глаза, стоически принимает его удары. Наконец до замутненного сном сознания стало доходить, что гулкие удары раздаются не во сне, а в самом деле. Кто-то сильно молотит в дверь.

Ягайло вскочил с кровати. Нырнул в сапоги и, прихватив в кулак один из ножей – мало ли что, – пошел открывать. За порогом стоял Акимка в легком байдане⁷. Начищенные звенья поблескивали в утреннем свете. На голове круглый шлем-норманка без острия сверху, в руке плетка-многохвостка, черенком которой он и колотил в дверь.

– Чего шуму столько делаешь? – хмуро спросил его Ягайло.

– Так тебя ж иначе не добудиться, – блеснул улыбкой Акимка. – Сон воистину богатырский. И едьбы небось алкаешь?

– Да, живот подвело, – признался Ягайло.

– Давай одевайся да выходи во двор. Там кадушка воды, девки тебе польют, а закусим уже в дороге. Я с собой и хлеба, и мяса взял, и... А, ты ж праведник теперь, – снова ухмыльнулся Акимка. – Жду у коновязи, которая ближе к Троицким воротам. – Его каблуки застучали по полу коридора.

Ягайло поднялся, одернул влажную со сна рубаху, накинуд кольчугу, разгладил ладонью складки. Подпоясаясь. Свернул плащ небольшим квадратом и, положив на него шлем, взял под мышку. Миновал коридор и оказался на боковом крыльце. Прищурился на поднимающееся над башнями солнце и направился к корыту, около которого возились две смешливые девки. Без лишних разговоров закатал рукава и склонился над корытом, выставив сложенные черпачком ладони. В них блестящей струей полилась студеной колодезная водица. Фыркая и отплеываясь, Ягайло омыл лицо, шею, уши, побрызгал на волосы, с наслаждением чувствуя, как ледяные капли скатываются за воротник. Морщась от стылой ломоты в зубах, набрал полный рот воды и, прополоскав, сплюнул на сторону, стараясь угодить в важно бродившего неподалеку гуся. Не попал, но склочная птица все равно наградила его презрительным взглядом и недовольным гоготом.

– Ишь какой важный, – усмехнулся Ягайло, принимая из рук одной девицы вышитый рушник. – Смотри, в ощи́п к обеду не попади.

Девки прыснули в кулаки, а обиженный таким обращением гусь отвернулся и заковылял куда-то, переваливаясь на огромных красных лапах. Ягайло поднял с земли шелом и водрузил его на соломенные кудри. Накинул плащ и направил стопы свои к Троицкой башне.

Пустынная в такую рань улица вывела его к стене, вдоль которой прохаживалась ожидающая смены ночная стража. Выползали из щелей уличные собаки в поисках утренней поживы. Еще квартал – и коновязь. Буян уже был приведен из дальней конюшни, взнуздан и оседлан. Ягайло благодарно кивнул конюху, который обтер бока коня мокрой соломой и расчесал ему гриву и хвост, и, не касаясь стремени, взлетел в седло. Вопросительно взглянул на Акимку, горячившего неподалеку своего каурого, рыжегривого жеребчика.

– Что, двинемся, помолясь?

– Хмельного не пьешь, с девками ни гу-гу, да еще и помолиться на дорожку предлагаешь? – присвистнул Акимка. – Ты, смотри, в монахи не уйди, Ягайлушко. А то будет для нашей рати горе неизбежное.

– И монахи меч в руке держивали али посох кованный. И на защиту земли своей вставляли не хуже дружинников княжеских. И бились честно, – ответил витязь.

⁷ Байдан – кольчуга.

– Ладно, ладно, – замахал свободной от повода рукой Акимка. – Проповеди для других оставь. Им нужнее будет. – И, повернувшись к толпящимся у ворот стражникам крикнул: – А ну открывай, мужи сонные!

Стражники навалились, откинули запирающий брус и потянули в стороны тяжелые створки. Не дожидаясь, пока разойдутся окончательно, Акимка дал шпоры жеребчику и с улюлюканьем вылетел на простор. Его удаль и задор заставили улыбнуться даже отстоявших ночной караул хмурых стражников. Улыбнулся и Ягайло. С младенчества почти знал он княжьего сокольничего и никак не мог нарадоваться, каким знатным парнем растет единственный сын его друга и учителя. Хотелось надеяться, что и с небес это видно.

Тронув коленями бока Буяна, Ягайло направил его в ворота. Акимка вертелся в седле от нетерпения, передавая свой азарт жеребчику, уже роняющему пену с недоудзка.

– Давай до ближней засеки? Взапуски?

– Охолони, друже, – снова усмехнулся Ягайло. – Кони не разогреты, куда их в галоп. Да и незачем, путь впереди неблизкий. Успеем еще им холку натереть.

Акимка сморщил нос:

– Ягайло, иногда мне кажется, что я дружу с древним стариком. Лишнего движения, лишнего слова от тебя не дождешься.

– Это я твою горячность уравниваю, – отшутился витязь. – Взрослей давай, а то князь на серьезные дела отправляет уже, а ты все с шалостями своими.

Акимка притих, пристроился к Ягайлову коню стремя в стремя, и они порысили по дороге, ведущей на запад.

Однообразные деревеньки с домами из тесаных бревен, а то и из камня проползали мимо путников. Вековые дубравы сменялись тучными лугами, где лениво паслись крутобокие коровы. Встречные крестьяне с сыто выпирающими над кушаками животами кланялись вежливо, но шапок не ломали и в пыль на колени не бухались. Держались с достоинством. Иногда попадались целые семьи с выводками босоногих детишек, поспешающих за родителями или сонно посапывающих в телегах. От их вида у Ягайло щемило сердце. Он старался гнать от себя воспоминания, пробовал топить в вине, пытался забыться в разгуле лихой драки, но они всегда возвращались. Наверное, поэтому и удалился он из княжьих покоев в далекую хижину. Чтоб пореже видеть счастливых...

– ...За тем холмом, – вернул его в мир голос Акимки.

– Что?

– Место, говорю, вот за тем холмом. Приехали уже.

– Быстро что-то, – сказал Ягайло, потирая предательски зудящие глаза.

– Да ничего не быстро. Вечереет. Это ты все в каких-то облацах витаешь, витязь.

И правда, темнело, а Ягайло и не заметил, погруженный в свои думы. Да и обоз княжича двигался куда медленней, чем всадники на лошадях. Если б вышел из стольного града одновременно с ними, досюда едва б к завтрашнему утру добрался. Всадники пришпорили коней и птицами взлетели на холм.

– Вот там, там оно, – загорячился Акимка, тыча вниз черенком плетки-многохвостки. – В овражке все и случилось. Поедем скорее, покажу, пока не стемнело.

– Погоди, осмотримся давай. Отсюда свысока видно хорошо.

Дорога разрезала пополам темную лощину. По левую руку произрастали березки и дубы, светлый сухой лес. По правую болотная трава темным клином втыкалась в самую дорогу, а основанием уходила вдаль и растворялась в надвигающейся с востока ночи. Земли болотников, людей таинственных, диких и не признающих никакой власти.

– Ну, поскакали? – спросил нетерпеливый Акимка.

– Поехали. Шагом. И мимо.

В глазах отрока застыл невысказанный вопрос.

– Темнеет уже, а кони во тьме видят плохо. Ну как яма на дороге? Да и какие следы мы сейчас сыщем. Утра надо дожидаться, тогда уж и браться за дело.

– Прав ты, Ягайло, – почесал Акимка в затылке рукоятью плети. – Как есть прав. Давай заночуем в трактире, а поутру выдвинемся.

– А далеко ль трактир? И давно ли?

– Года три как открылся. А ехать до него верст пять. Там, за лесом.

– С границей польской рядом? – удивился Ягайло.

– Не поверишь, витязь, прямо на ней.

– Да как такое возможно?

– Трактир человек держит из сынов израилевых. Он и с поляками, и с нашим князем договорился. А возможно, даже и с болотниками какие-то дела имеет. А если нет, то что-то знает, видел или слышал. Пронырлив невероятно.

– Понимаю теперь, почему тебя князь со мной отправил, – улыбнулся Ягайло.

Акимка в ответ на похвалу зарделся до корней волос, но виду не подал. Нарочито равнодушно повел разговор дальше:

– Я туда намерен двух верных людей заслал, под видом паломников в Святые земли. Чтоб они носом поводили, послушали, о чем в трактире судачат. Да и если свара какая выйдет, вступятся.

Он украдкой посмотрел на витязя, ожидая очередной похвалы, но тот, казалось, уже израсходовал весь дневной запас.

– Да еще князю велел, чтоб на заставе пограничной слушали, а если услышат, как зимородок кричит, чтоб на помощь скакали.

– Не рано ли тебе, отрок, князьями повелевать? – сдвинув брови, спросил Ягайло.

– Ну... Предложил. А что, добрая ведь задумка?

– Задумка добрая, только ты этими сыскными делами не увлекайся – заиграешься. А это не твой ли трактир? – Он указал на мерцающие вдали огоньки.

– Он самый, – обрадовался смене разговора Акимка.

Уставшие путники пришпорили коней и через десять минут въехали в ворота из тонких реек. Из верхней, горизонтальной, торчало два кованых ушка – наверное, когда-то на них висела табличка с названием заведения, но давно пропала. Равно как и забор. Его след еще угадывался в линии, разрезающей вправо и влево кусты и травы, но ни одной гнилой доски видно не было.

Трактир, большой каменный дом о двух этажах под гонтовой крышей, возвышался среди расчищенной в лесу поляны. В слюдяных окнах первого горел свет и мелькали тени постояльцев. В окнах второго царил тьма, лишь изредка прорезаемая неясными алыми сполохами. То ли отблесками огня из нижнего зала, то ли прикрытыми тряпкой фонарями. Небольшой фонарь горел и перед вывеской, что была прикручена над дверным козырьком. Ее явно сняли с ворот, отшлифовали и выбили новые буквы.

– Украйна, – по слогам прочитал Ягайло – грамота была не его стихия. – Что за слово такое, Украйна?

– Не Украйна, а Укрина, – поправил Акимка. – Это по-польски, земля у края. Приграничная, стало быть, по-нашему.

– Ясно. А отчего она на польский лад называется, раз стоит на нашей земле?

– Да в том и фокус, – рассмеялся Акимка. – Зайдем, сам все увидишь.

Они подъехали к коновязи, у которой, опершись на бердыш, дремал на лавочке седобородый сторож. Осторожно, чтоб не напугать, разбудили старика и вручили ему поводья коней. Ягайло снял с седла переметные сумы, закинул их на плечо и, опираясь на копье, поспешил вслед за неугомонным Акимкой. Тот, склонившись в шутовском поклоне, распах-

нул перед витязем дверь, выпустив наружу густые запахи еды, очага и крепкого мужского пота.

Они вошли. Пристанище это, на первый взгляд, ничем не отличалась от многих, что стояли вдоль проезжих трактов. Внизу огромная комната со столами на толстых ножках и грубо, но крепко сколоченными скамьями. На подпирающих потолок столбах коптящие светильники. В постреливающем искрами камине огромные поленья. Посредине лестница наверх, к доходным комнатам. А от стены до стены, ровно по центру зала, – начертанная белым мелом линия, кое-где прерываемая следами сапог.

За столами проезжий люд, немного, человек восемь. Компания толстеньких ганзейских купцов, видать, по торговым делам, за поташом и ворванью. Молодой пан с тонкими, словно нарисованными углем усиками, какие-то невнятные люди в широкополых шляпах и черных плащах да два православных монаха-паломника. Простоволосые, в черных рясах с обтрепанными подолами, с окладистыми бородами да чинными лицами. Но цепкие глаза, крепкие руки и посохи с царапинами и засечками с головой выдавали в них княжьих дружинников. Правда, никому в зале и дела не было до двух божьих людей, вкушающих в углу хлеб под колодезную воду. Даже хозяину, который стремительно несея к новым посетителям.

Сгорбленный, с крючковатым носом, с сивой бородой и в маленькой черной шапочке на затылке, он настолько сильно напоминал черта, что Ягайле захотелось перекреститься, но он сдержал руку, побоявшись обидеть держателя трактира.

– Здр’авствуйте, гости дог’огие, – приветствовал их хозяин, широко распахнув объятия. – Чего изволите? Покушать, попить, пег’еночевать?

– И ты будь здоров, – важно ответил Акимка. – А изволим мы всего. И попить, и покушать, и переночевать. А может, и еще чего. – Он заговорщицки подмигнул хозяину.

Тот подмигнул в ответ и уставился на Ягайлу черным как смоль глазом. Но взгляд витязя оставался холодным и равнодушным. Старик в замешательстве потер ладошки, но снова обрел былую уверенность и гонор.

– Пг’исаживайтесь вот за тот столик, а я пришлю к вам человека и г’аспог’яжусь насчет комнаты. Вы будете ночевать в одной или вам г’азные?

– Одну, – твердо ответил Ягайло, привыкший экономить княжки деньги.

Акимка глянул на витязя с неудовольствием, хозяин трактира – с интересом, но лишних вопросов задавать не стал.

– На какой стог’оне?

– На нашей, понятное дело, – ответил Акимка.

Хозяин кивнул и растворился за ведущей на кухню ширмой. Вместо него выскочил румяный парень в подпоясанной кушаком алой рубашке, быстро обсказал, что есть из готового, а что надо подождать, чем можно запить – и приняв заказ, нырнул обратно. Через мгновение перед путниками появился жареный рябчик, каравай хлеба, жбанчик меда и пара выточенных из цельных кусков дерева блюд, долженствовавших исполнять роль тарелок.

Ягайло достал нож, несколькими движениями разделал рябчика на аппетитные ломтики, положил пару себе, пару на тарелку своего спутника, нагреб немного пареных овощей, которыми была обложена тушка птицы, отломил добрый кус хлеба. Акимка тем временем плеснул по деревянным кружкам меда и некоторое время за столом был слышен только треск разгрызаемых крепкими зубами хрящей. Утолив первый голод, осоловелый и подобревший, Ягайло откинулся назад и прислонился к стене.

– Слышь, друже, а что за сторона, про которую хозяин спрашивал?

– Так трактир стоит ровно на границе, эта сторона еще наша, а та уже польская. Я тебе уже сколько об этом талдычу.

– Не возьму я все в толк, кто ж ту границу вымерял, леса да болота кругом? Вот была б река...

– Думаю, это сам хозяин придумал.

– Зачем?

– Трактиров-то по Руси много, а такой, через который граница проходит, – всего один. В таком побываешь – не забудешь. Другим расскажешь, они тоже посмотреть захотят. Так и пойдет слава, а вместе с ней постояльцы, а вместе с ними и доход.

– Хитро, – пробормотал Ягайло.

– Надо б землемеров послать, да затвердить границу, да посты организовать, чтоб следили зорко, а не как нынче.

– Зачем, Акимка?

– А затем, что шляются все, кому не лень. Что носят, к кому ходят? Может, злоумышляют что, а мы и не знаем. Да и знаешь, как в песне поется, «чужой земли мы не хотим ни пади, но и своей вершка не отдадим»? То-то.

– Государственно мыслишь, – молвил Ягайло. – Толковый советник князю растет.

Акимка подозрительно уставился на витязя, но не нашел в его лице и следа усмешки. Ягайло твердо взглянул в глаза отроку, склонился к столу и вновь заработал челюстями.

Акимка последовал его примеру.

– Что-то рябчик странный, – сквозь хруст мелких косточек произнес Акимка.

– Что ж странного в нем? – спросил Ягайло, не переставая жевать.

– На голубя вкусом смахивает.

– Твоя правда, – присмотрелся к блюду Ягайло, – хотя черт его... Съедобен, и ладно. Голубь что, мне вот как-то вместо кроля кошку – зверя малого, но вонючего, из сарацинских земель, подсунули, вот то гадость была.

– Бог с тобой, Ягайло, за трапезой такое рассказывать, – отмахнулся измазанной жиром рукой Акимка. – Меньше думаешь – плотнее наедаешься.

Когда оба путника, сытые и довольные, лениво догладывали последние косточки, к ним подскочил хозяин.

– Господа г'ыцари, ваша комната пг'иготовлена, а для...

Акимка сделал страшные глаза и незаметно для Ягайлы махнул рукой, уходи, мол, не надо ничего. Хозяин понимающе кивнул. Оставил на столе ключ с большим кожаным ярлыком, на котором горячим железом была выжжена цифра 9, и исчез, словно растаял в воздухе. Эта его манера появляться ниоткуда и исчезать никуда стала беспокоить витязя, очень уж скользким казался хозяин.

Напоследок Ягайло еще раз оглядел зал. Бюргеры-ганзейцы допились до красных рож и тихонько тянули какую-то песню, постукивая по столу днищами деревянных кружек. Типы в широкополых шляпах исчезли. Молоденький пан мирно посапывал, уронив курчавую главу на стол, прямо посередине объедков. И только монахи без особого удовольствия продолжали вкушать в углу хлеб и воду. Акимка подошел к ним, будто для благословения, и, видимо, перекинулся парой слов, но со стороны этого не было заметно.

«Ловок, черт», – с отцовской нежностью подумал Ягайло и тут же украдкой перекрестил себе рот, посетовав, что помянул к ночи нечистых.

Они поднялись по скрипучей лестнице, нашли свою комнату, занесли скарб и закрыли дверь на ключ, а потом и на тяжелый внутренний засов. От греха. Акимка снял кафтан, стянул через голову пододетую под него кольчугу. Сбросил сапоги, повалился на тюфяк из соломы и тут же захрапел. Вот и славно, подумал Ягайло, а то с блудницами местными связываться – себе дороже. Еще подхватишь заразу какую заморскую, лечись потом от бубонов ртутью⁸. Привычным движением он раскинул на ложе свой плащ, положил в изголовье саблю, разоблачился до исподнего и провалился в вязкий, без сновидений сон.

⁸ В старину считалось, что ртуть – лучшее лекарство от сифилиса.

Глава вторая

Поднялись они засветло, наскоро перекусили хлебом, луком и сметаной и тронулись в путь. Большую часть поклажи и доспехов они оставили в комнате. На том настоял Ягайло. Кольчуга и шлем в болоте плохие помощники. Случись угодить в трясину, утянут на дно. Неплохо было б еще лаптей найти, ибо наполненные болотной водой и тиной сапоги хуже мельничного жернова на шее, да и подошва гладкая на корнях скользит, но не сыскалось.

Акимка всю дорогу то и дело прыскал в кулак, представляя себе двух витязей – простоволосых, без кольчуг и в лаптях. Его веселье было столь заразительно, что под конец и повеселел и суровый Ягайло, стал улыбаться в ответ на его безудержные приступы веселья. Так, в прекрасном расположении духа, они доехали до места. Акимка соскочил с коня и перепрыгнул через вырытую вдоль дороги канаву для стока воды.

– Вот Ягайло, смотри. Видишь, куст примят? Явно тащили что-то тяжелое. Ветви обломаны. Да часть еще примята была, потом распрямилась. А вот там дальше поляна.

Ягайло, не говоря ни слова, тронул бока Буяна коленями. Конь разбежался в два шага и прыгнул через канаву, раздвигая крепкой грудью подлесок. Проскакал с десятка локтей и вынес всадника на поляну, не видную с дороги. По образовавшейся просеке туда же вбежал Акимка, продолжая рассказывать и показывать, как было:

– А вот тут стрела лежала, та, что с кровью, видать, раненого тут клали. И обрывки были тут, наверное, рубаху рвали, кровь остановить. А вторая-то стрела там, у дороги, в канаве плавала. Кто-то хотел, чтоб мы сразу на болотников гршили.

Ягайло соскользнул с коня и присел, разминая затекшие слегка ноги.

– Две стрелы обронули как бы случайно, а остальные-то собрали. В обозе дюжины две народу было, значит, и стрел должны были выпустить немало, чтоб всех порешить. Люди лихие тут не просто в засаде сидели, поджидая телегу с купцом каким-нибудь одиноким или паломников безответных. Ни кострища тут, ни шалашика завалящего. Даже гадить в кусты никто не отходил. – Акимку буквально трясло от охотничьего азарта. – Будто специально для того мешок принесли. – Отрок засмеялся, в красках представив себе эту картину.

– Ты и это додумался проверить. Ну голова! – подивился Ягайло. – Такую голову под сабли подставлять, что золотыми монетами за рубище драное платить. Прав князь, незачем тебе в воители идти.

– Да ладно... Пустое, – вновь зарделся Акимка.

– А где ж тут болота начинаются, о коих ты говорил?

– Так вот же прямо тут.

Раздувая ноздри, как гончая, Акимка перебежал полянку и раздвинул густую траву на той стороне. Прямо за ней была небольшая земляная насыпь, укрепленная камнями, от которой начиналась застеленная бревнами гать шириной едва всаднику проехать. А вокруг расстилались темные, заросшие бурой тиной воды, казавшиеся еще непроглядней из-за низко нависающих ветвей плакучих ив. Кое-где из воды поднимались пузырьки, разнося по округе душливый серный запах.

Ягайло подошел к краю, поводит носком сапога по насыпи, присел, поднялся, сделал несколько шагов туда и обратно. Взяв камешек, кинул его недалеко от берега. Задумчиво посмотрел на расходящиеся по воде круги.

– О чем, Ягайло, задумался? – дернул его за рукав нетерпеливый Акимка.

– Размышляю вот... Скажи, в обозе княжича телеги были?

– Да, две, с подарками и утварью всякой. Да с навесом еще одна, да с сиденьями для самого княжича. Он на лошади не большой охотник скакать, вот и соорудили такую хит-

рость. Когда ко двору польскому приехал бы, конечно, на лошадь бы пересел, как витязю подобает. Знатную ему кобылку князь подарил...

– Погоди, тараторка, – прервал его Ягайло. – Если в обозе было три телеги, куда ж они делись?... Ладно, через канаву перетащить, но по этой дорожке их точно не проведешь, ширины не хватит. Здесь их нет – ни целыми, ни сгоревшими. Следов на земле тоже не видно, хотя колеса должны были знатные колеи пробить, вишь, от копыт какие вмятины? Значит, что?

– Что?

– Не знаю что, – покачал головой Ягайло. – Только не здесь телеги эти сгинули.

– Значит, надо найти где. Может, там, где телеги, и княжич? – воскликнул Акимка.

– Может, и так. Вернемся на дорогу. Если и искать следы колес тележных, то там.

Ягайло повернулся идти. Что-то тоненько тренькнуло за его спиной.

Прежде чем голова витязя успела понять, что произошло, ноги сами бросили его вперед и вбок. Неловко, но подстилка из травы и прошлогодних листьев смягчила удар. Он перекатился через плечо и замер на согнутых ногах, готовый либо кинуться на врага, либо уходить с линии атаки. В руке его блеснул короткий нож.

Акимка застыл вполоборота к Ягайло, удивленно глядя на свой бок. В нем, уйдя глубоко, почти по самое оперение, торчала измазанная грязью стрела. По жупану⁹ расплывалось темное пятно.

Глаза юноши помутнели, ноги подломились в коленях, и он медленно, почти без всплеска повалился в болотистую воду. Захлебнулся. Закашлялся. Захрипел. Не помня себя, Ягайло бросился вперед. Пущенная твердой рукой стрела расщепила ствол молодой березки недалеко от его лица. Другая сбила листья с кустов неподалеку. Значит, стрельцов несколько. Ягайло прыгнул вперед и вжался в землю. Стрела с ядовитым шипением ударила в каблук, оторвав от него изрядный кусок. Витязь перекатился и присел за толстый ствол, усмиряя дыхание и прислушиваясь к доносившимся из болота хрипам и бульканьям. Акимка был еще жив. Боролся, карабкался на берег.

Витязь выглянул из-за дерева. Стрела сбила кору в паре вершков от его глаз. Еще одна пронеслась мимо и зашуршала в листве. Хрип и стоны на секунду прекратились. Раздался тяжелый всплеск и новый приступ надрывного кашля. Раненый Акимка не смог выбраться на сухое, сорвался обратно в болото. Ягайло издал сквозь зубы сдавленный стон, в котором мешались боль и ярость. Его друг и сын его друга умирал почти у него на глазах, а он ничем не мог ему помочь. Снова всплеск и захлебывающийся кашель. И несколько стрел, пущенных наугад, для острастки. Опять кашель.

– Да добейте ж его, аспиды, – прорычал он и заткнул было ладонями уши, не в силах слышать предсмертные хрипы Акимки. Убрал руки, боясь упустить крадущиеся шаги обходящих его убежище стрелков. Снова заткнул, и ему потребовалось немало мужества, чтоб убрать их от головы и сцепить перед собой.

Наконец все стихло. Акимка замолчал. Навеки. На Ягайлу навалилась смертная усталость. Все разочарования, вся боль давешних утрат легла на плечи, придавливая к земле. Он с трудом разомкнул добела смятые пальцы, уперся в землю и осторожно встал на ноги, готовый в любой момент упасть обратно. Стрелы не летели. Тогда он набрался смелости и выглянул из-за ствола. Новых стрел не было. Лучники ушли? Или затаились, дожидаясь, когда он бросится к телу убитого друга?

Буян! – обожгла его еще одна мысль. Его боевой конь, товарищ, с которым пройдены и пустыни Междуречья, и германские леса, и заволжские степи, не раз выручавший в опасную минуту, стоял всего в паре десятков сажень и мирно пощипывал травку. А если супостаты

⁹ Жупан – старинный кафтан.

его заметят? Решат, что раз он не бросился сломя голову спасать соратника, то к раненому коню...

Больше не медля, Ягайло сорвал с ноги сапог и метнул в заросли слева от себя. Пока тот летел, обламывая ветки, сбивая листья, сам прыгнул в другую сторону, перекувырнулся через голову и припал на живот. Стрел не было. Он выждал немного, зорко вглядываясь в колышущиеся на ветру заросли осоки с той стороны топи. Ни души. Душегубы ушли. Ягайло сорвал сапог со второй ноги и бросился к тому месту, где он последний раз видел Акимку.

Юноша лежал лицом вниз. Бурая вода скрывала его тело почти до лопаток. Мокрые волосы облепили лицо. Посиневшие пальцы намертво вцепились в густую береговую траву. Сомнений быть не могло – Акимка мертв. Ягайло упал на колени прямо в грязь, осторожно разжал руки отрока и перевернул его на спину. Прямо в душу взглянули пустые, стеклянные глаза. Чтоб не смотреть в них, витязь прижал голову отрока к своей груди и зажмурился сам. Застыл, беззвучно шевеля губами. Потом встал, вытащил бездыханное тело из воды и, как младенца, подняв на руки, отнес на поляну. Положил на траву. Согнувшись над ним, осмотрел рану и одним сильным движением вырвал из нее стрелу. Прочную, ладную, очень красивую. Ровно такую же, как те, что видел в княжьих палатах. Нездешнюю.

Буян поднял голову, шарахнулся, влетел в кусты, кося лиловым глазом, и тоненько, жалостливо заржал.

– Да, Буяша, да, не уберег я парня. Это ведь я ему еще и кольчугу снять велел. И тебя чуть под стрелы не подвел, нет мне, дураку, прощения, – пробормотал Ягайло и пошел обратно на берег.

Нашел в траве брошенный сапог, перемотал влажную тряпку и натянул на ногу. Поискал второй. Тот скатился вниз, к воде, и черпнул болотной жижи. Он вылил воду, обтер голенище об траву и тоже надел, не обращая внимания на сырость, в момент пропитавшую вторую тряпку и низ шаровар. Вернулся на поляну, снова поднял Акимку и понес к дороге. Буян как привязанный поплелся следом, понурился головой и опустил уши.

Ягайло легко, словно и не нес в руках никакой тяжести, перемахнул через канаву и подошел к жеребчику, на котором прискакал отрок. Ухватил за повод и перевалил тело через седло. Конь шарахнулся, дернулся в узде, но Ягайло, казалось, этого даже не заметил. Он вытянул повод, примотал его к одному из ремешков седла подошедшего Буяна и, не касаясь стремени, взлетел в седло. Тронул коленями иссиня-черные бока. Буян понятиливо пошел по дороге ровным, плавным шагом, словно старался лишний раз не теревить хозяина.

Ягайло покачивался в седле. Он видел, что происходит вокруг. Слышал. Но мысли его были совсем далеко. Он не помнил, как конь довез его до трактира. Не помнил, как снимал с жеребчика бездыханное тело. Как нес его в нижние палаты. Как, опрокидывая лавки, вскакивали на ноги ряженные монахи, пытаясь выдать свои удивление, испуг и ярость за христианское милосердие. Как вился вокруг мелким бесом хозяин, умоляя не пугать постояльцев, а убрать тело куда-нибудь с глаз долой. Не помнил, как нес Акимку по ступенькам вверх, в светлицу. Как отдавал лжепаломникам распоряжение отвезти тело в стольный град и наказывал, что передать князю. Не помнил, как надевал шлем и кольчугу, как подпоясывался саблех. Как вскакивал на коня и, нещадно колотя пятками, гнал его обратно к злосчастной поляне. Как привязывал коня к низко растущей ветке, не накрепко, чтоб тот в случае чего мог сорваться и убежать.

Видеть и понимать окружающий мир он стал, лишь когда вплотную подошел к гати. Сначала долго сидел в кустах, оглядывая берега и пытаясь уловить в них возможное движение или хотя бы определить места, где могли затаиться стрелки. Но, кроме малых пичуг, никто не нарушал дремотной тишины болот. Тогда Ягайло выпрямился, надел на шуйцу круглый, размером в четыре кулака, кожаный щит, взял лук, а десницей наложил на тетиву стрелу и ступил на скользкие бревна. Он понимал, что опередить прицелившегося стрелка

не удастся, но другого выхода не было, а способное поспорить с луками неведомых супостатов оружие придавало спокойствия и уверенности, которые были ему необходимы. Первые мгновения каждая частичка тела выла и стонала, ожидая услышать визг пущенной стрелы. Сейчас он очень завидовал твердокаменной бараньей уверенности европейских рыцарей, шедших в бой под крестами и потому убежденных, что Бог не даст и волосу упасть с их головы. И даже когда оказывалось, что их вера в собственную неуязвимость напрасна, никого это не заставляло разочароваться.

Ягайло был не таков, и сейчас ему это очень мешало. Руки ходили ходуном, пот стекал по спине липкими ручейками, колени противно подрагивали. Было очень страшно выходить на открытый простор, но он понимал – если упустит стрелков, они растворятся в этих болотах навсегда или в другое княжество сбегут, и тогда ему останется только посыпать голову пеплом и уйти в монастырь замаливать все грехи, начиная с сегодняшнего, и обратно, до самого первородного. А двум смертям все равно не бывать.

Потихоньку витязь успокоился, томление в груди ушло, исподняя рубаха просохла. Приятное тепло летнего дня, чирикание птиц, гуляющий над болотами ласковый ветерок несли умиротворение. Березки на редких кочках, плавающие по поверхности воды невиданные цветы, островки болотной травы с колосками семян напоминали о доме, тянули прилечь, а может, даже прилечь. Впервые за много часов на лице Ягайлы разгладились жесткие складки.

Он уже довольно далеко зашел в глубь болот и не нашел никакого отвода от гати, по которому можно было бы попасть на тот берег, откуда прилетели стрелы. Его окружала сплошная непроходимая топь. Хотя, может, и проходима где, но, чтоб найти то место, нужно было срезать длинную палку и искать, прощупывая дно вершок за вершком. А сойти с гати значило почти полностью лишиться себя возможности защищаться или убежать. К тому же приближался вечер, а во тьме искать дорогу не то что бесполезно, но смертельно опасно.

Перед ним вырос небольшой, поросший невысокими искривленными деревьями островок. Витязь выбрался на сухое и осмотрелся. Дорога продолжалась и с той стороны, такая же ровная, без перекрестков и ответвлений, уходила в глубь болот и терялась в зарослях. Взглянул назад. Точно такая же дорога, выползающая из болотной травы и тины. Три раза обернись вокруг себя и не поймешь, откуда пришел и куда путь держишь.

Что ж делать-то? Идти дальше или возвращаться? Вроде и смеркается уже. А завтра с рассветом вернуться на гать и пройти по ней до конца? Или заночевать тут? Ягайло было не привыкать спать на голой земле, да и Буян в случае чего сможет о себе позаботиться – сорваться с ветки и уйти, например, в трактир или приветить копытом по голове непрошеного гостя. Только вот вонища тут... Он сморщил нос. Сернистый запах, к которому он уже попривык за время хождения по болотам, был тут гораздо сильнее. Лучше все-таки пройти – и в такой клоаке ночевать не придется, и, может, еще одно сухое место сыщется. А не сыщется, вернуться к темноте на остров и заночевать... Да вот хоть в этой развилке на ветвях.

Он опустил лук, хоть стрелы с тетивы не снял, и снова шагнул на гать. Сделал несколько шагов... До острова бревна лежали как влитые, а здесь чуть покачивались, уходя вниз и с чавканьем всплывая из трясины. В иных местах они были положены неплотно и бурая жижа просачивалась на дорогу, делая ее еще более опасной. И растительность стала другой. Темнее и гуще. Ветки сомкнулись над головой непроглядным сводом. Со всех сторон тянулись плети растений, похожих не то на дикий виноград, не то на плющ. Карабкались по стволам, оплетали пни, ложились под ноги ловчей сетью. Осока топорщила похожие на лезвия листья с острыми кромками. Торчащие из воды камни покрывали белесые лишайники. Везде виднелись притопленные или сгнившие во мху до черноты стволы. Дорога словно пре-

дупреждала: не ходи по мне. Ягайло сбавил шаг. Видимо, все-таки придется возвращаться, а то что-то совсем неуютно становится.

И тут витязь заметил какое-то возвышение над темной водой. Опасливо приблизившись, разглядел бревенчатый настил без ограждений. Сколоченный из обтесанных бревен, он смотрелся значительно более крепким, чем расползающаяся под сапогами дорога. Может, заночевать на нем, раз уж так далеко забрел? В десять шагов витязь преодолел расстояние, отделяющее его от настила. Запрыгнул, громыхнув в доски каблуками. Сооружение отозвалось долгим эхом.

Значит, пустое внутри. Ягайло сдвинул шлем на лоб и почесал затылок. Схрон? Склад? Подземный ход? Иначе на кой строить посреди трясины такой короб, щели затыкать, чтоб вода не сочилась? Надо бы проверить, что там.

Витязь посмотрел по сторонам, не видать ли кого. Болотный народ, наверное, должен был оставить какие-то посты или дозоры по границам своих земель. Или надеются, что через топи непроходимые к ним никакая дружина не доберется... Но ведь эти лучники, уже и не старающиеся выдать себя за болотников, шастают тут как дома. А может, они с болотниками заодно? И княжича сговорились похитить? Или же похитили его именно болотники, а чужих стрел взяли, чтоб подозрение от себя отвести? Глупо, но возможно.

Ягайло перекинул лук через плечо тетивой на грудь, опустил стрелу в колчан и преклонил колено. Присмотрелся. Провел рукой по хорошо пригнанным доскам и достал из-за пояса маленький топорик. Вставил лезвие в нащупанную щель и надавил. Настил не поддался. Тогда он поводит руками и нашел другую щель. Приподнялся, перенося вес тела вперед.

Ягайло почувствовал, что опора уходит у него из-под ног. Снизу пахнуло затхлостью. Почувствовав, что падает, витязь без замаха всадил топорик в доску. Повис. Вспотевшая ладонь поехала по гладкому топоричу, но он подбросил тело вверх и ухватился другой рукой. Пыхтя и чертыхаясь, подтянулся, закинул ногу наверх и перевалился за край. Прижался лопатками к настилу и замер, вслушиваясь в звенящую после шума, вызванного его падением, тишину. Даже птицы замолчали, прислушиваясь, не раздадутся ли чьи хлюпающие по грязи шаги. Ничего не услышав, осторожно перевернулся на живот и заглянул в квадратную дыру.

Классическая ловушка – две створки на петлях распахиваются вниз под любым сколько-нибудь значимым весом. За ними яма с гладкими стенами, глубиной сажени две. На дне заросшая тиной вода. Под ней либо колья, либо сеть, чтоб любой попавший запутался, как налим. И какая-то специальная штука для шума, ишь как грохнуло. На десять верст небось слышно было, по воде-то звук далече разносится. Надо отсюда убираться, пока устроители западни не подоспели. Ягайло выдернул из досок топорик, вскочил на ноги и обомлел. Гать, по которой он пришел, развалилась. Некоторые бревна стояли в грязи торчком, иные плавали рядом, а некоторые и вовсе утопли. Меж ними змеилась веревка, прежде удерживавшая шаткую конструкцию.

Вот, значит, как? Вербки хитрые натянули, чтоб, когда створки упадут, они разворотили дорогу, отрезая тем, кто не упал в яму, обратный путь. Он хотел сбросить сапоги и идти босиком, но подумал о болотных гадах, а заодно и о маленьких зазубренных колышках, что могли воткнуть в дно здешние доброхоты. Выдернул из кушака ловко вплетенную в него бечеву, располовинил ножом и перевязал голенища. Опасливо спустился в воду. Ил под ногами подался, потек, но не разошелся до конца. Кое-как уцепившись за него подошвами, Ягайло сделал шаг, другой.

Пока дошел до островка, обходя или перелезая рукотворный бурелом, с него сошло семь потов. С трудом выбравшись на берег, он лег прямо на тропку лицом к темнеющему небу, которое почему-то... было разрисовано в крупную клетку. Он едва успел выхватить

нож, когда толстая сеть с тяжеленными грузилами припечатала его к земле. Грузы стали расползаться вниз, пути врезались в тело и лицо, не давая возможности шевельнуться. Костеря на все лады князя, его семью, их родственников до седьмого колена и небесных покровителей – святых угодников, он стал пилить веревку, что ближе к запястью. Осилил. Дальше дело пошло споро, через минуту он мог уже спокойно двигать рукой, через три поднялся, разминая передавленные конечности.

А умны болотные жители... Кто бы в топь ни забрел, наверняка захочет выбраться на деревянный помост, а тут яма под ноги. Кто не провалится, а обратно побежать решится, тому сеть. Все ли это подарки от болотного народа или еще остались? Знамо дело, еще не все, он бы точно понаставил гостинцев непрошеным гостям. А сил уже почти и нет, горько думалось Ягайле. Но и помирать в этих гнилых местах он не собирался.

Собрав все силы в кулак, он бросился дальше. За плечо цапанула какая-то вовсе неуместная тут ветка. Быстро вниз. Со свистом рассекая воздух, над ним пролетело подвешенное недобрыми людьми бревно. Что-то щелкнуло и затрещало. Ничего не видя, почти наугад, он откатился в сторону. В то место, где он только что лежал, вонзилось десяток потемневших, обожженных на огне заостренных кольев. Земля под его рукой расступилась, и он провалился почти по локоть. Выдернул обратно и по движению травы понял, что очутился на самом краю еще одной ловчей ямы. Задом, на рачий манер стал отползать от края и зацепил каблуком еще одну веревку. По стволу ивы над его головой хлестнула толстая гибкая береза. К ее стволу были примотаны острые обломки трубчатых костей крупной птицы, не иначе ядом пропитанных.

Его тело хотело вскочить и бежать, но разум кричал: нельзя! И верно. Подняв очи, витязь заметил укрепленный в рогатке меж двух веток взведенный самострел с толстенной тетивой и стрелой с тупым зазубренным наконечником, такой из раны просто так не вырвешь. А вырвешь, так вся кровь за час вытечет. Выпрямившись, он положил ладонь на орех¹⁰, всунул палец под тетиву и сдернул ее с зарубки. Теперь понятно, почему болотники не спешили выяснить, кто бьется в расставленных ими силках. Больно уж хитры были ловушки, и больно мало было шансов остаться живым и невредимым у того, кто в них попал. Но они придут, обязательно придут. Наверное, – он посмотрел на быстро темнеющее небо – теперь уже утром.

Откуда-то со стороны болот прилетела обмотанная паклей стрела и с шипением воткнулась в землю. Несколько секунд пакля курилась сизым дымком, потом ярко вспыхнула. Ягайлу, обернувшегося посмотреть, откуда стреляли, словно подхватил горячей ладонью великан и зашвырнул далеко-далеко в топь. И уже в полете догнал его и хлопнул по ушам грохот взрыва.

* * *

Витязь открыл глаза. Вокруг колыхалась тьма, едва подсвеченная смутными зелеными огоньками. Глухо, как из бочки, доносились какие-то звуки, не то кваканье, не то... Не пойми что. Было холодно – да так, что пробирало аж до самого нутра. Леденило сердце. Особо невыносимым мороз казался после обжигающего дыхания взрыва – последнего, что осталось в памяти. Что-то тяжелое и липкое гнетом давило на члены, не давая шевельнуться. Неужели его убило? А это тогда что? Чистилище? Геенна огненная? Что угодно, но уж точно не рай. Да и кто его, душегубца, в рай-то пустит? Он попробовал пошевелиться. Ноги его не слушались вовсе, руки двигались. Медленно, как в детстве, когда, ныряя в омуты, попадал он в тинные места, и намотавшиеся на локти тяжелые водоросли...

¹⁰ Орех – здесь: вращающаяся деталь самострела, колесико с зарубкой, за которую цепляли тетиву.

Да он же в воде! В болоте. Эвон, вонища какая. А зеленый свет – от гнилушек. А мрачно так, потому что тучи на небе луну и звезды скрыли. Ягайло облегченно выдохнул и поднес руку к лицу. Ощупал. Бровей не было. Сгорели брови. И от бороды остались только клочки по подбородку, волосы над лбом тоже обгорели до корней. Ерунда, не красна девица. Вроде без ран кровавых обошлось, а вот спину ломит сильно. А звуки такие странные, потому как уши-то под водой. Как и все тело, кроме лица. А голова на кочке подводной. Бывает же везение такое... Ведь, чуть в сторону упади, мог бы и утопнуть. Ягайло осторожно, чтоб ненароком не сдвинуть какую-нибудь переломанную кость, поднял голову. И тут же захотел уронить ее обратно. В голову хлынули звуки ночного болта – кваканье лягушек, крики выпи, шепот ветра в ветвях и... Невнятный разговор. Он прислушался внимательней, слова вроде знакомые, но о чем, не разобрать, все сливалось в один невнятный галдеж. И непонятно откуда, звуки в болоте коварные, с какой стороны доносятся, не уразуметь.

Над топиями пронесся порыв ветра. Глаз луны подмигнул веками облаков, и Ягайло увидел совсем близко от себя два странных холма в человеческий рост. Будто кто-то тины болотной в снопы накидал. И эти снопы медленно двигались в его сторону. И было в их тихом, скользящем движении что-то неземное и пугающее.

Стараясь ни всплеском, ни звуком дыхания не привлечь их внимания, витязь нашарил возвышающуюся из воды тростинку, обломил ее у корня и, медленно поднеся ко рту, зажал в зубах. Закрыв глаза и, мысленно перекрестившись, сдвинулся с кочки. Кольчуга и оружие потянули на дно. Бурая жижа хищно сомкнулась над головой. Звуки вновь стали далекими и призрачными. Мелкая болотная живность забегала вокруг, проверяя ножками и усиками, съедобный ли ей достался подарок. Все тело невыносимо зачесалось, вода набралась в нос и зашекотала, понуждая чихнуть. Стерпеть было трудно. Тело заколыхали приходящие неизвестно откуда волны. Но от движения ли неведомых холмов они происходили или от другого чего, например рыб – водятся ж тут рыбы, – Ягайло было невдомек. Потому он лежал и терпел. Старался вспоминать о чем-то хорошем, светлом, но перед мысленным взором вставало бледное лицо Акимки, его остекленевшие глаза и посиневшие губы, не шевелясь, вопрошающие: «Почто ж ты, дядька Ягайло, меня не уберег?»

Бурление дна стихло, потом возобновилось с новой силой и по-другому. Раньше оно напоминало шаги по воде человеческих ног, теперь какую-то возню, словно боролись в трясине речные ящеры, заморские. Иногда в воду что-то падало, разгоняя вокруг сильные волны, заносящие в его ноздри новые порции вонючего ила. Он смог выдержать, как ему показалось, целую вечность, а может, и часа не прошло. Нашупав руками дно, приподнял лицо из воды, разжав зубы, выронил соломинку. Странных снопов видно не было, другой какой напасти тоже. Зато в свете зарождающегося утра ясно просматривались и вчерашний сруб, и огненный остров, и кусок гати. Бревна лежали ровно, одно к одному, будто и не разворотило их вчера, как плотно укупоренную кадушку с забродившими огурцами. Все, надо отсюда убираться и князя просить, чтоб дружину прислал. Прав был Акимка – только огнем и мечом...

Дождаться бы, пока рассветет, но у Ягайлы уже мочи не было торчать в этих проклятых местах. Он поднялся во весь рост, отплевываясь, срывая с себя налипшие водоросли, вытряхивая из-за пазухи раков и отдирая с рук жирных насосавшихся пиявок. Воды было едва по срамное место. Пробуя дорогу ногой, шагнул в сторону острова.

Нагрудную пластину его кольчуги клюнула стрела. Не сильно, на излете. Не пробив, упала и встала торчком, как поплавок, перьями вверх. Сомлевший от усталости Ягайло с удивлением уставился на нее, нагнулся, вынул из воды, посмотрел. Стрела была настоящая, болотная, из тростника. С наконечником из толстой рыбьей кости. Еще одна стрела зарылась в воду саженью правее от него. Ягайло чертыхнулся, повернулся и кинулся бежать в другую сторону, поднимая фонтаны брызг. Он надеялся, что это хоть чуть скроет его от

стрелков. Еще одна стрела, пущенная более сильной рукой, ударила меж лопаток, повалила. Костяной наконечник разлетелся вдребезги, покрывая воду вокруг Ягайлы белой крошкой. Фырка и отплеываясь, он снова вскочил и опять побежал, держа курс на нависающий над самой водой разлапистый куст. Добежал. Схватился, полез наверх, цепляясь за тонкие ветви, выбрался на клочок поросшей невысокими деревьями сухой земли. Снова провалился по пояс. Потом по грудь. Потом пришлось плыть, преодолевая тяжесть тянущих на дно сапог и кольчуги. Опять выбрался на сухое место и снова побежал. Силы покинули его недалеко от какой-то голой косы, полумесяцем разрезающей залив с кувшинками и мертвой, стоячей водой. Он с трудом выполз на нее и рухнул, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Приник щекой к казавшейся теплой земле и закрыл глаза.

– Дядько, дядько!

Кто-то тряс Ягайло за плечо. Он открыл глаза и увидел перед собой кусок ткани, когда-то, наверное, бывший белым, а теперь насквозь пропитанный зеленой водой и покрытый грязными разводами. С трудом развернув шею, узрел наборный пояс и стеклянные шарики на нитяной вышивке.

– Дядько...

– Да не трясги ты, – буркнул Ягайло, поднимая голову и шурясь на восходящее солнце.

Перед ним на корточках сидела отроковица лет четырнадцати-пятнадцати. В длинном, до пят платье и повязанном до бровей платке. Увидев лицо витязя, сплошь в красных пятнах ожогов, она отшатнулась и мелко закрестилась:

– Свят, свят, свят...

– Что такое? – насупился он.

– Да это... Борода у тебя, – пролепетала девица. – Да брови. И лоб огнем покарябан, и щеки. Это тебя, что ль, вчера взорвать хотели?

– Меня, – поморщился Ягайло, дотрагиваясь до зудящей раны на лбу. – Да только в толк не возьму, что там взорваться могло, не огненный же порошок китайский. Его заранее закладывать надо, а в болоте он вмиг отсыреет.

– Болотный газ то был. Если его много скопится где, малой искры хватит, он ка-а-а-ак... – Девица округло взмахнула руками. – Там серой воняло?

– Зело воняло. – Ягайло вспомнил сизый дымок на пакле, которой была обмотана стрела, и поморщился. – погоди, а ты откель такая умная? – подозрительно спросил витязь. – Что делаешь в этих гиблых местах?

– А ты сам кто такой, чтоб спрашивать? – Девица отошла на несколько шагов, задрала подбородок и скрестила руки на груди.

– Меня князь послал со специальным поручением, – гордо ответил Ягайло и смутился: ай молодец витязь, расхвастался перед сопливкой.

– С каким таким поручением?

– То тебе знать не положено! – рявкнул вконец недовольный собой Ягайло.

– Да погоди. Не кипятись, витязь, может, я тебе в чем помочь могу? – кротко ответила отроковица.

– Чем это ты мне помочь можешь? – подозрительно прищурился тот.

– Я у княжича в обозе была. Ты ведь его ищешь, витязь? Ты ведь Ягайло. – Девица не спрашивала, утверждала.

– Ну Ягайло, да. А ты откель знаешь?

– Да кто ж тебя в нашем княжестве не знает! Первейший воин! Князев любимец. Нешто тебя послали княжича выручить?

– А и послали. Сказывай лучше, как дело было и как тебе сбежать удалось? – Ягайло навис над ней широкими плечами.

– Погоди, витязь, чего ты, все я расскажу! – замахала девица руками. – Только давай сначала с видного места уйдем. Неуютно тут.

– И правда, – ответил Ягайло, вспомнив, что за ним могут гнаться болотники. – Веди.

Молча они достигли окончания косы и углубились под сень раскидистых сосен. Девица уверенно вела его меж кустов в какое-то определенное место, только мелькала впереди спина в изгвазданном платьишке.

– А куда идем-то? – спросил у нее Ягайло.

– Я тут яму подходящую нашла. Там и от глаз посторонних укрыться можно, и дождь пересидеть, – бросила через плечо отроковица.

Шли долго. Ягайло даже устал перепрыгивать через корни. Спину заломило от земных поклонов, что приходилось отвешивать поваленным стволам. Наконец добрались до едва приметной промеж корнями дыры. Девица ловко скользнула в лаз. Побитый и обожженный Ягайло, кряхтя, влез следом. Повозился, устраиваясь, сел так, чтоб боль не отдавалась в ушибленных членах. Присмотрелся к девице. Высокая да нескладная, но на лицо красна, коли отмыть хорошенько. Если б еще не платок этот, да белил с румянами добавить...

– Ты чего пялишься, витязь? – спросила девица.

– Да ничего, я так просто, – смутился Ягайло.

– Вот и неча... Ты знаешь, как с болот выбраться?

– Через гать можно. Но там ловушки и заставы, наверняка есть дозорные.

– Вот я и побоялась... Я, правда, туда не лезла, из кустов посмотрела. Болотники там часто бывают. Тут по берегу не пройти, топь такая, что палка, – она мотнула головой в сторону березового стволика, обломанного с двух концов и до половины замызганного грязью, – не достает. Там, – она прочертила рукой широкую дугу, – тоже болота сплошные. Беспросветные. До самого до горизонта. Без лодки не одолеть. Я вот и пробовала через косу и левее забрать, вдоль болотной гати.

– Понятно. А здесь как очутилась?

– Так разбойные ж люди. – Лицо девушки помрачнело, меж бровями залегла недетская складка. – Поубивали всех, а кого не убили, так в полон свели.

– А княжич жив? – подался вперед Ягайло.

– Был жив, сейчас не знаю.

– Ты воду в ступе не толки, – озлился витязь. – Сказывай, как дело было. С самого начала, да не утаивай ничего.

– С самого начала, да ничего не утаивая, долгонько получится, – ехидно улыбнулась девица. – Давай я тебе с того места, как напали на нас, расскажу.

Витязь кивнул.

– Обоз наш дошел до балки, самого узкого места на дороге, что у болотного леса самого. С нами всадников было две дюжины. Половина – люди воеводы Якима, все с княжьей охраны, люди проверенные. Остальные пришлые какие-то, не знала я их. И вот, когда доехали до балки, пришлые эти как бросятся на наших! Со спины. Одного сразу насмерть убили, а другие-то не сплеховали, давай с этими рубиться.

Ягайло ждал, что девица расплатется, но вышло наоборот: глаза ее разгорелись, она размахивала руками, показывая, как что происходило.

– Наши-то на мечях половчее были, ломить начали. А тут из леса еще люди повыскакивали. С луками и саблями кривыми наголо.

– Западные сабли были али восточные? – уточнил Ягайло, захваченный рассказом девицы.

– Вот не знаю, витязь, – ответила та. – Воеводу нашего сразу стрелами утыкали, как ежа, прямо насмерть. Остальных тоже поранили сперва, потом и добили. А нас, мамок да нянек с княжичем, на болото свели.

– В которое место?

– Того не знаю, на головы мешки понадевали да на лошадей позабрасывали, через седло.

– Что, так до места на конях и довели? – напрягся Ягайло.

– Нет, на лодку еще пересаживали. Да своим ходом вели, по местам сухим и ровным. И привели в крепостицу на острове.

– Болотников крепостица? – перебил ее Ягайло.

– То и странно, что нет. Разные там люди, не единого роду-племени. И поляки, и русские, даже ордынцы были.

– Ордынцы? – удивился витязь. – Точно знаешь?

– Да откуда мне, сиволапой, ордынца-то знать? – вроде как обиделась девица.

– Ладно, ладно, не серчай, – примирительно сказал Ягайло. – Сказывай, как дальше было.

– Так вот, – продолжала она, – стены там бревенчатые, но крепкие, в три слоя. С наклоном в сторону болот. Давно построены, на иных изрядные кусты выросли да мох космами. Ворота небольшие, без оковки, да и зачем она тут, ржа вмиг поест. Во дворе изб дюжины две, амбары какие-то, а вот церкви, даже самой заваливающей, нет. Дом, на нее похожий, с колокольней, есть, а крестов на нем нет, там, болтали, заводили их военный совет держат обычно.

– Про церковь ладно, укрепления какие разглядела? Стражу? – перебил ее Ягайло.

– Четыре башни по-над воротами. На них дозорные стоят, но чаще спят, чего там зреть в такой глуши? На башнях тех трубы огненные, ядрами каменными палить могут да картечью. По одной али две, не разглядела. В стенах гнезда сделаны, там тоже огненные трубы, по одной, и склад ядер рядом с каждой, штук по десять. А вокруг крепостицы той в воде ловушек понатыкано всяких-разных. В них живность болотная часто попадает, так дозорным приходится ходить наново заряжать. Уж и ругаются они, уж и богохульствуют. Но со страху то, не по злобе – ловушки больно хитрые, сами попадают, давеча одному ногу перебило в медвежьем капкане, а другому...

– И откуда ты знаешь-то столько? Особливо про военное дело да про ловушки всякие? – удивился Ягайло.

– Так я ж при княжиче была. Он часто книжки читал про походы рыцарские да битвы, с картинками разноцветными. И мне иногда пересказывал. Вот я и запомнила, а когда увидела, сообразила, что к чему.

– Странно как-то, вроде и на земле болотников крепость, нешто они с ней никак не связаны? Может, приходили зачем? Или привозили что, припасы какие, должны ж в крепости есть что-то.

– Того не ведаю. Я и болотников тех, признаться, не видела никогда, если даже и были, не отличу, – потупилась девица.

– Понятно, – вздохнул Ягайло. – А много ль народу в той крепости?

– Я душ дюжины четыре видела. Некоторые в отряде, одному воеводе подчиняются, некоторые так. Сами по себе. Иные приходили, иные уходили. Воины большей частью. Но и мужики простые бывали, и бабы.

– А бежать тебе как удалось?

– Да само как-то вышло, – развела руками девица. – Домов там маловато, потому запирали всех в один – и княжича, и нас с Лукерьей, стряпухой, и наставника его по манерам да поведению. И писца Агафона. Всех, кто жив остался. Вот как-то на вечерней заре вышла я воды набрать, тряпки простирнуть надо было, старика-то одного в сече по ноге зацепило, да тут один из этих ко мне приставать начал.

– А что ты?

– А что я? Сделала вид, мол, согласная, да только стесняюсь. Да и он, хоть и пьяненький был, а соображал, начальство настрого запретило им к нам цепляться. Ну и вышли мы с ним за ворота, до ближайшего леска. Тут я ему камнем по голове да и бежать.

– Что, прямо так через болота и бросилась? – удивился захваченный этой историей Ягайло.

– Сначала посуху старалась, а потом, как погоню за мной снарядили, подобрала подол и бегом куда глаза глядят. Вот тут и скитаюсь.

– Показать, где тот лагерь, сможешь?

– Нет, не смогу, долго нас везли. А уж как по болотам продиралась, и вовсе не помню. Да и не надо тебе туда, витязь.

– Почему не надо? Княжич же там? – удивился Ягайло.

– Нет там княжича, увезли его. Вернее, грозились увезти с рассветом, – вздохнула девица.

– А куда повезут, не слыхивала? Или хоть на каком языке говорили те, кто собирался.

– Один-то русский, наш, точно, – задумчиво пробормотала отроковица. – Второй, наверное, все-таки из панов, хотя выговор странный был.

– В Польшу, значит, повезут? – Ягайло нагнулся вперед и схватил ее за рукав.

– Неведомо то мне, – вырвалась она. – Может, в Польшу, а может, в Орду. А может, и в Москву.

– А в Москву-то зачем? – удивился Ягайло.

– А в Польшу зачем? Княжич и так туда ехал. Хотели б его поляки захватить, проще было на своей земле, а не у княжких застав под носом.

– И то верно, – нахмурился Ягайло.

– Ты б, витязь, думы свои резвые придержал. Из топей сначала выберись, да и меня вытяни, а там и о великом думать будешь.

– И то верно, – снова промолвил он. – Идем, поищем дорогу какую.

Они вылезли из-под корней. Ягайло задумчиво потер зудящие щеки. Девице он верил, врать ей было незачем, и в сметливости ее он не сомневался. Искать болотную крепостицу смысла не было. Если точно знать, что княжич там, можно было бы попробовать проскользнуть за стены и выручить. А ну как увезли? В одиночку обыскивать все закоулки и подвалы несподручно, и времени на то уйдет много. Надо выходить к людям, посылать оттуда гонца к князю, пусть дружину собирает, а самому народ расспросить по окрестным деревням. Что в Орду, что в Польшу – все мимо ехать. Может, кто что слышал, кто что знает? Ягайло закинул на плечо ствол и пошел обратно к мысу, девица, подобрав подол, посеменила за ним.

Они без приключений добрались до той косы, где встретились несколько часов назад. Перед тем как сойти с твердого берега в темную воду, Ягайло обернулся:

– Скажи хоть, отроковица, как зовут-то тебя?

Глава третья

Над болотом опускалась ночь. Призрачным светом засветились гнилушки, зашныряли по воде ужи, направляясь на поиски спящих лягушек. Заухали ночные птицы.

– Все, ночуем тут, – выдохнул Ягайло, опускаясь на небольшой, два шага на два, островок сухой земли.

В общем-то островки тут были нередки, но большинство так пропитались влагой, что присесть на них означало промочить порты, а то и с головой бултыхнуться. Этот же был крепок и пригоден для ночлега. Девица выбралась из воды, отжала подол и, свернувшись калачиком, задремала. Ягайло сел, привалившись спиной к тонкому деревцу, вытянул гудящие ноги. Караулить смысла не было – кругом вода, всплески будут за версту слышно. А поспать бы надо. Ягайло поворочался, устраиваясь поудобнее. Закрыв глаза.

Сон не шел. Его гнали то ли гудящие над ухом комары, то ли невеселые думы. Стареть что-то стал, думалось ему. Два раза проваливался по грудь, да так, что, ежели б не палка и не спутница, кормить бы ему раков в тине. А как выбрался, насилу отдышался, неужели старость так подкашивает? И в брюхе пустом бурчит, выловить бы рыбу, так живьем бы съел, да тут, кроме пиявок да лягушек, и живности нет. Чай, не франк или галл какой, лягушек-то жрать. И птицу не сбить, пуганые здесь птицы, сторожкие...

И главное, пока он тут о сытости думает, из топей этих выбраться пробует да силы собирает, княжича могут увезти куда угодно и сотворить с ним что угодно. Просто убить, запытать до смерти, женить, в конце концов, неизвестно на ком. Или, может, дани потребовать. Или земли. Отпишут князю, отдай, мол, волость какую, пока мы твоего сына на ремни не порезали, и сынов локон приложат. А надежда князева, витязь Ягайло, месит тут гнилую жижу да нянчит привязчивую девицу.

Он посмотрел на свою неожиданную спутницу. Она спала беспробудным сном вусмерть умаявшегося подростка, улыбалась и шевелила во сне губами. Эх, молодость беззаботная, подумал витязь. Перед ним как живое встало лицо Акимки, а за ним потянулась долгая череда лиц. Печальных, укоризненных, злых. Они...

Ягайло проснулся от толчка в бок:

– Вставай, княжий спаситель, двигаться пора уж.

Он открыл глаза. Край неба едва розовел над темными верхушками далеких деревьев. Ополоснул лицо затхлой водицей, надел не просохшие за ночь, скукожившиеся сапоги и взял в руки палку.

– Почто квелый такой, витязь? Нерадостный? Взбодрись. – Евлампия снова ткнула его локтем в бок.

– Чему тут радоваться-то? – буркнул Ягайло.

– Как чему? Живы, и радостно. Ночь прошла, утро наступило. Благодать.

– И то верно... Ладно, пойдем уже. Глядишь, дотемна выберемся куда-нибудь, хоть до нормального места сухого дойдем.

– А хочешь, я вперед пойду? – спросила девица.

– Ну, иди, коль охота. – Ягайло протянул ей палку. – Стой! – заорал он и схватил ее за руку.

Девица замерла как истукан. Тревожно вгляделась в окаменевшие черты витязя:

– Что случилось-то, Ягайло?

– Стой, не двигайся, – проговорил тот, медленно опускаясь на корточки.

Погрузившись до плеч, он ухватил одной рукой что-то на уровне ее пояса, а другой зашарил под водой. Наткнулся на что-то. Скомандовал:

– Сделай два шага назад и замри.

Девушка повиновалась. Только сейчас она заметила, что витязь сжимает в поднятой руке какую-то палку.

– Что это? – спросила она.

– Капкан, – коротко ответил Ягайло и дернул что-то под водой.

Раздался громкий щелчок, поверхность перед ним вздыбилась, полетели брызги. Витязь напрягся и поднял из воды что-то вроде двух крепких деревянных коромысел, утыканных ржавыми остриями, наподобие клыков хищного зверя.

– Вот и все. – Он обернулся к Евлампии, ухмыляясь во весь рот. – Хорошо, я вовремя заметил, а то бы полноги как не бывало.

– А лыбишься-то чего, витязь? – удивилась та. – Я тут чуть без ноги не осталась, а он лыбится...

– А то, что капканы в местах, где никто не ходит, не ставят. Что-то тут близко есть – то ли дорога, для войска годная, то ли жилье, из коего незваные гости забрести могут. Так что выбрались, считай.

– А ведь верно! Так пошли скорей.

– Э, нет, – остановил ее Ягайло. – Теперь мы медленно-медленно пойдем. Где один капкан есть, там и второго жди, и третьего. Дай-ка мне палку. Вперед я пойду, а то ты в этом деле несмышленная.

Девушка безропотно согласилась. Ягайло взял палку и, полукругом проверяя пред собой дно, пошел к ближайшим деревьям, долженствующим расти на сухом месте. Через несколько десятков шагов дно начало подниматься, тина стала не такой вязкой. Ноги сами понесли воина к близкому берегу. Он чуть не поддался этому искушению, но остановился. Сообразил: почуяв близкое спасение, жертва кидается к нему, не видя ничего вокруг, и именно тут...

Он медленно повел палкой. Под водой щелкнуло. Палку чуть не вырвало из рук. Еще один капкан. Ягайло развернул укоротившийся ствол и покачал головой, оглядывая размочаленный конец. Показал Евлампии:

– Ишь оно как...

Та в ответ тоже покачала головой:

– А скажи, Ягайло, зачем они так капканы ставят? Он же насмерть не убьет ведь, покалечит только. Оттяпает полноги.

– На то и расчет, – ответил Ягайло, хмуря брови и сосредоточенно водя палкой по мелководью. – Ежели ты один, так далеко уползти не сможешь, без ноги-то. А ежели со товарищами, так они тебя, увечного, не бросят, ежели не басурмане какие али варвары жестокосердные. Нести на себе будут. Тут их догнать и взять легче, усталых-то.

– Не по-людски это, – как-то совсем по-стариковски вслух подумала девушка.

– Люди вообще часто так поступают – не по-людски. Ладно, неча молодым о таких вещах думать.

– А когда думать, как не в младости? – спросила девушка. – Если с младости не думать, с возрастом жестокосердие в привычку войдет, не отучишь.

Ягайло обернулся и с интересом посмотрел на долговязую некрасивую девушку с плоской грудью. Вздохнул и стал прощупывать путь до берега дальше. Видать, неласково судьба с ней обошлась, раз такие думы в голове.

Скользя разбухшими подошвами, Ягайло выбрался на глинистый берег и осмотрелся, ища в просветах меж деревьями блеск воды, говорящий о том, что болота тянутся дальше. Не нашел, равно как и самих просветов. Лес стоял дерево к дереву, как в ратном строю, сомкнув стволы. Неужели все-таки кончились топи?

– Дошли, похоже, – подтвердила его мысли Евлампия, отжимая подол платья, за время хождений превратившегося в грязную тряпку. – А дальше куда?

– В трактир надо, у меня там вещи кое-какие остались, – ответил Ягайло. – От грязи отмыться надо, поесть, поспать, может, чуть да княжича искать.

– И как ты его искать собираешься?

– Сначала постояльцев порасспрошу да хозяина, он многое знать должен. Там и поглядим.

– А со мной что? – спросила девица.

– А что с тобой? Обратно в княжий дворец поедешь или домой, к мамке.

– Так нельзя мне в княжий дворец. Опасно там.

– Это с чего? – удивился Ягайло.

– Так я ж сказывала: на воеводиных людей свои напали. Ну, не свои, – поправились она, – а те, кого ему в помощь дали. А раз так, то долго мне там не прожить.

– Это почему? Кому ты нужна-то?

– Вот, витязь, силен ты, ловок, а глуп непроходимо, – съязвила девица.

– Это с чего? – насупился Ягайло.

– Да все у тебя «с чего», «почему», «не пойму». Если свои на своих нападают, значит, заговор в княжьих палатах. Вдруг кто из тех нападавших, кто потом в крепостицу вез, сейчас при дворе ошивается? Если заявлюсь, наверняка решит, что я его вспомню, и плавать мне в пруду с перерезанным горлом.

– И то верно, – почесал в затылке Ягайло. – Ну, домой иди тогда.

– Нет у меня дома, сиротинка я подкинутая. Ни отца, ни матери не знаю. С младенчества при кухне жила, куда князь по доброте сердечной определил. – В ее голосе задрожали слезы.

«Вот только плача бабьего не хватало!» – подумал Ягайло и поспешил успокоить девицу:

– Ладно, ладно, сопли утри. До трактира доберемся, а там и подумаем, что делать с тобой. Чу, слышишь?

Он поднял палец вверх, призывая к молчанию.

– Не, не слышу ничего, – шепотом пробормотала Евлампия. – А что там?

– Да колеса скрипят, кажись. А ну идем.

Он схватил девицу за рукав и поволок прямо сквозь кусты. Она не сопротивлялась, только старалась укрывать глаза от веток локтем да быстрее перебирать ногами, поспевая за ломящимся сквозь кусты, будто бык, витязем. Перепрыгнув отводную канаву, они выскочили на земляную дорогу, красиво обложенную с двух сторон цветными камешками. И как раз успели заметить скрывающийся за деревьями задок крестьянской телеги. Не говоря ни слова и не выпуская девичьей руки, Ягайло бросился следом. Его сапоги выбивали из дороги клубы пыли, грудь раздувалась кузнечными мехами, грива волос развевалась по ветру, во все стороны летели водоросли и комья подсохшей грязи. Евлампия болталась у него на руке траченной молью скатертью.

Телегой правил одинокий мужичонка, сухонький, как веретено, в мешковатой рубахе. Услышав сзади топот, он, не оборачиваясь, хлестнул кнутом лошаденку, и та пошла тряским галопом, от чего, казалось, ее острые ребра разорвут дряблую шкуру. Телега загромыхла на выбоинах. Груз под соломой запрыгал, добавляя лишнего грохота и скрипа.

– Стой! – что есть духу заорал Ягайло. – Стой, собачье отродье! Стой, тебе говорят!

Мужичонка не обернулся, только втянул голову в плечи и стал сильнее нахлестывать свою клячу, будто надеясь, что она сможет бежать резвее. Ягайло нагнал. Евлампия запуталась в подоле платья и упала. Витязь протащил ее по дороге еще сажени две, потом расцепил пальцы и, освободившись от груза, рванул семимильными шагами. Догнав телегу, ухватил ее за заднюю ось и приподнял. Лошадь дернулась в постромках и стала как вкопанная. Мужичок слетел с передка и, кувыркнувшись в воздухе, укатился ей под копыта. Ягайло

поставил колеса на землю и вразвалочку обошел телегу. Мужик лежал в дорожной пыли ни жив ни мертв. Очи его были крепко смежены, руки сцеплены под животом, одна нога едва подергивалась, должно быть, со страху. Ягайло нагнулся, сгреб его за ворот рубахи и поднял. Мужичонка засучил в воздухе ногами, но глаз не открыл и рук не разомкнул.

– Э, землянин¹¹, ты чего не останавливаешься, когда тебя добрые люди просят? – спросил его витязь, встряхнув для остротки.

– Откуда мне знать, что вы добрые? – прохрипел тот, но очей так и не разомкнул.

– И то верно, – проговорил Ягайло и опустил мужичка, чуть придержав, пока тот не нащупал лаптями земную твердь. – А что, тут добрых мало, все в последнее время худые шастают?

– Шастают, – обреченно согласился мужичок. – И так спасу от вас нет, да еще болота рядом. Оттуда не то что люди недобрые, вообще нечисть какая-то забредает.

– Прямо нечисть? – удивился Ягайло.

– Нечисть, нечисть, – подтвердил мужик, мелко крестя пуп. – Лешаки да кикиморы. Ночью по окрестностям бродят. Кричат, огни зажигают. Жуть. – Мужичка передернуло. – Скотину иногда со двора сводят, а следы чудные.

– Ты это, старый, очи-то открой, – сказал Ягайло.

Мужичок осторожно приоткрыл один глаз, ойкнул и зажмурил его сильнее прежнего.

– А, это-то... – Витязь провел рукой по клочками выгоревшей бороды. – Ты не думай, это я с кикиморами твоими встретился, огнем их опалился. Вот те крест.

Мужичок опасливо приоткрыл глаза, оглядел заляпанную грязью кольчугу, разбухшие сапоги, саблю на боку да топорик за пазухой. До конца не успокоился, но осмелел:

– Витязь, значит?

– Есть такое дело, – согласился Ягайло.

– Чего ругаешься тогда, чего добрых людей отродьем собачим да старичьем облезлым кличешь-то? – В голосе мужичка закипел змеиный яд.

– Прости, добрый человек, сгоряча я. Давно мы по болотам ходим, устали, оголодали совсем, нечистью напуганные. Да и таких слов вроде не произносил, это уж ты сам додумал.

– Додумал не додумал, а про пса и про старого точно было. Так ты не один что ли? – подозрительно спросил мужичок.

Ягайло вспомнил про Евлампия и оглянулся. Той не было видно на дороге.

– Разворачивай телегу, – скомандовал он.

– Это зачем еще? – Мужичок отступил на шаг и упрямо выпятил подбородок.

– Спутница моя там осталась, подобрать надобно.

– Так ты сходи и подбери, а я тебя пока тут подожду, упряжь проверю, не порвалось ли чего, – пробормотал мужик. – А то не приспособлена моя телега к таким скачкам-то.

– За дурака меня держишь?! – возвысил голос Ягайло. – Опять в бега норовишь податься, когда я спиной повернусь? А ну, марш на передок и шевели вожжами.

Мужичок вздохнул и стал разворачивать телегу, старая лошадь плохо слушалась, телега скрипела, норовя съехать в канаву. Ягайло снова взялся за заднюю ось. Крякнул, в два приема, чтоб не сломать дышлом шею лошади, развернул телегу на передних колесах и с треском опустил на дорогу.

– Богатырь, слышь, ты поаккуратнее, а то если так, то...

– Давай уж, – оборвал его Ягайло, запрыгивая через борт на свежее сено подстилки, – ехай.

Чтобы придать мужику скорости, витязь шлепнул нерасторопного возницу по спине молодецкой ладонью. Того перетряхнуло, как осиновый лист на ветру. Что-то бормоча себе

¹¹ Земствами в старину называли небольшие хозяйства свободных крестьян.

под нос и почесывая кнутовищем ушибленное место, мужичок повел телегу в указанном направлении.

Девушка сидела прямо за поворотом, пытаясь замотать окровавленную коленку относительно чистым лоскутом, оторванным от рукава платья.

– Евлампьюшка, ты как? – соскочил с телеги ошалевший от неожиданности Ягайло.

– Твоими молитвами, витязь, – едко ответила та. – Вишь, что твои рывки сделали.

– Он и меня стукнул, и телегу умыкнул. Худой человек твой богатырь-то, – запричитал с облупленного мужичок.

– Закрой хайло, не до тебя, – рявкнул на него Ягайло и склонился над девушкой. – Ничего, подвяжем сейчас, а доедем до трактира, промоем рану да мазь приложим, у меня в сумках есть. Волшебная, любую боль в момент снимает, а залечивает, что и следа не остается, – почти проворковал он.

– Давай, вяжи уж быстрее, – оборвала его Евлампия. – Да потуже, чай не красна девушка.

– Кто не красна девушка? – не понял Ягайло.

– Ты не красна девушка, – неизвестно на что озлилась Евлампия. – Затягивай сильнее.

Когда перевязка была окончена, Ягайло помог девушке доскакать до телеги и завалиться на солому. Запрыгнул сам.

– Теперь вези нас в Украину, – снова хлопнул мужичка по спине Ягайло. – Знаешь такую небось?

– Корчму-то? Знаю, как не знать-то?

– Вот и вези. Или снова телегу разворачивать?

– Не. Не надо, по дороге она, – ответил мужичок. – А ты б, богатырь, того... По человечески бы, что ль, попросил, – пробурчал мужик. – Я б тогда с охотой. Все одно собирался туда заехать, а то третьего дня отвозил туда снеди кое-какой с огорода, так хозяин мне две копейки и полушку недодал. Слушай, богатырь, дело у меня до тебя есть...

– Какое еще дело? – разлепил глаза убаюканный покачиванием телеги Ягайло.

– А давай ты мне поможешь долг назад стребовать? Тогда будем в расчете. Все по чести и справедливости.

– А сам-то не можешь почему?

– Да хитер хозяин, как бес. Ты ему слово, он тебе пять. Так закрутит, завертит, что проще плюнуть да забыть.

– Ладно, помогу, – смягчился Ягайло. – А что, трактир-то далеко? Дотемна успеем?

– Надо успеть! Тут версты четыре всего, да и мне затемно домой мимо болот возвращаться резону нет. Хотя, в общем, и днем тут теперь...

– А что ж князю, тебя как зовут-то, кстати, чего, говорю, князю-то не доложите? Он отрядит кого разобраться. Если надо, и дружинников пошлет, – посулил витязь.

– Никифором кличут. Да ходили мужики в стольный град. К самому князю не попали, а вот с братом его младшим, Дмитрием Всеволодовичем, встречались. Обсказали ему все подробно, что тут у нас и как. Он разобраться обещал. Да обещанного, как видно, три года ожидают.

– Странные дела, – ни к кому не обращаясь, произнес Ягайло. – Князь на людские беды отзывчивый.

– Князь-то да, но кто сказал, что и родичи его таковы?

– То верно, – кивнул головой Ягайло, вспоминая, как тявкали на него из-за трона, и поспешил сменить тему разговора: – Слышь, Евлампия, имя у тебя уж больно заковыристое. А тебя как дворовые ласково кличут, чтоб попроще? Лампушкой али Евлашкой?

– Ты это, витязь, Евлампией меня зови, и никак иначе. Понял? А не то я тебе во сне последние недогорелые космы повыдергаю, – окрысилась девушка.

– Ладно-ладно, молчу, – засмеялся Ягайло, вздевая руки вверх, шутливо сдаваясь на милость победителя.

– М-да, витязь. Воин ты бывалый, видать по всему, сильный, но вот с людьми-то беседы вести совсем не обучен, – посетовал мужичок.

– Да пошел ты ко псам, – обиделся Ягайло. – Торопи давай клячу свою, если не хочешь на обратному пути лешакам на ужин попасть.

Весь оставшийся путь они проделали молча. Мужичонка сидел насупившись, лишь изредка оборачиваясь и поглядывая на витязя сычом. Тот дремал, смежив веки, чтоб не смотреть, как девица Евлампия, бесстыдно задрав подол, баюкает пораненную ногу. Наконец впереди показались ворота. Почувяв кобылу, хоть и старую, заржали у коновязи жеребцы. Ягайло открыл глаза. Хлопнул возницу по спине:

– Любезный, ты нас во двор не заводи, сами дойдем. Там разворачиваться тяжело.

– Ишь ты, разворачиваться тяжело? – горько произнес мужичок. – Пожалел волк кобылу. Солнце к закату клонится, куда я теперь поеду-то?

– К дому, вестимо, – не понял причин его стенаний Ягайло.

– Какое к дому? Это ж мимо болот, в темноте, да одному? Мне живота лишиться не за понюх? Тут останусь. Если во двор пустят, в телеге переночую, а дождь пойдет, так и под ней. А со двора погонят, так тут у ворот устроюсь, все ближе к людям.

– Так комнату у хозяина сними.

– На какие шиши я ее сниму-то, витязь? – Мужичонка кипел едва сдерживаемым гневом.

– Так я тебе сейчас помогу денег с хозяина вытрясти, вот на них и...

При упоминании о деньгах гнев их спутника потух, но вместо него в глазах появилась кручина.

– Супруга моя про те деньги знает, надобно их домой привезть, в хозяйстве-то не лишние. Да и вообще...

– Что, ухватом огреет при встрече? – хохотнул Ягайло, помогая Евлампии слезть с телеги.

– Не, она у меня добрая. Любит. Потому и расстраивать ее не хочу. Она в слезах к утру будет вся, глаз не сомкнет, будет Бога молить, чтоб твари болотные меня к себе в трясины не утащили. А я тут с вами.

Витязю стало совестно.

– Ладно, прости за жену, добрый человек. Не думал же я, что так обернется. Да и ты ж сразу не сказал?

– А сказал бы, что б поменялось-то? У вас, вон, дела неотложные, видать по всему, а я человек простой, кому до моих надобностей дело?

– Ладно, ладно, – вконец смутился Ягайло. – А вообще... Заводи телегу во двор, я тебе и с долгом помогу, и ночлег обеспечу. У меня тут кровать на много ден вперед оплачена, да спать некому. Ты вот и переночуешь в тепле и уюте. И денег не возьму.

– Ну спасибо на добром слове, витязь, – поклонился мужичок. – Стар я уже на земле голой ночевать, кости ломит. – В его голосе снова появились плаксивые нотки.

– Откуда старость-то в тебе взялась, только что ж не было? – притворно удивился витязь. – Все, не гундось, обещал накормить, напоить и спать уложить – исполню. Лучше девице вот помоги, встань по другую руку.

Мужичонка молча повиновался. Евлампия повисла на мужских плечах, поджав одну ногу, и, помогая себе другой, поскакала к входу в трактир. Сбоку из-за угла вылетел Буян, заржал радостно и ткнулся мордой Ягайло в плечо. Тот улыбнулся, погладил коня по лбу, обнял рукой лебединую шею. Заверковал:

– Дружище! Знал, что придешь, не сгинеешь в болоте.

Конь в ответ тихонько заржал, засопел и блаженно прикрыл глаза.

– Все, иди пока, я попозже приду, проведу. Сенца принесу. Сейчас, вишь, девицу надо уложить. Захромала.

Конь покосился на Евлампия лиловым глазом, недовольно раздул ноздри, развернулся и ушел обратно за угол, всем видом показывая, что не так уж он сильно уверен, что какая-то девка важнее их дружбы.

– Какой у тебя конь, – удивилась Евлампия. – Умный!

– Он не у меня, он сам по себе, – ответил Ягайло. – Мы с ним друзья-соратники. А ты, Никишка, чего пригорюнился?

– Да тоже позавидовал, – честно признался мужичок. – Меня не все люди так понимают и слушают, как тебя эта коняга.

– Ничего, будет и на твоей улице праздник, – усмехнулся Ягайло. – Пойдем уже.

В трактире было многолюдно. У самого входа за столом веселилась компания странствующих студентов. Они чокались, расплескивая по столу содержимое кружек и наперебой рассказывали какие-то похабные истории. В общем гвалте было трудно что-нибудь разобрать. В центре, за самым большим столом, восседал какой-то вельможа в заморском, расшитом золотом кафтане, с расчесанными гребнем волосами и томным выражением лоснящегося лица. Двумя пальчиками он держал перепелиную тушку, отрывая от нее зубами полоски нежнейшего мяса. Два дюжих молодца, глотая поодаль слюни, не спускали глаз со стоящего у его левой ноги сундука.

В отдалении сидели несколько человек в широкополых шляпах, закрывающих лица. Похожие на давешних, да не те.

Ну чисто татары, подумал Ягайло. За стол садятся, шапок не сняв. Или просто лица скрывают? А это что? В углу он заметил людей. Один, в некогда дорогой, тонкой ткани рубаше, теперь превратившейся в рваную окровавленную тряпку, казал кукиш двум в зацело кованных, на ливонский манер, доспехах. Те краснели лицами, тискали рукояти длинных мечей на поясах, но мужчину не трогали. Ягайло пригляделся. Их разделяла белая черта на полу. Вот, значит, как, подумал витязь – переступил, считай, за границу сбежал. Зело интересно. Правда, на наших может и не подействовать, если что, но в иных случаях полезно может оказаться.

И тут он чуть не остуился, заметив в углу «паломника», под личиной которого прятался один из людей князя. Ведь велел же отправляться в столицу, доставить тело Акимки с наказом! Зачем остался? Еще что недоброе случилось? Паломник тоже заметил витязя и его спутников. Удивленно приподнял брови, но виду не подал. И Ягайло решил разговоров не заводить и вообще не знаться с посланцем напоказ, пока не разберется, что тут к чему.

К вновь прибывшим подлетел хозяин. Запричитал радушно и заискивающе:

– Ви таки не повег'ите, как я г'ад вас видеть. – Он развел руки в сторону, будто собирался обнять всех троих путников разом. Но, заметив мужичка, осекся и даже сделал шаг назад.

– И ты будь здрав, – ответил Ягайло. – Не заселил в нашу светелку уже кого? Плачено-то вперед. Помнишь?

– Да что ви пг'идумываете? Как можно? – Хозяин снова всплеснул руками. – Комната закрыта, все вещи в целости и сохранности. Друга вашего... – он притушил голос и склонился ближе к Ягайло, – я помог пг'оводить. И постаг'ался сделать все так, чтоб никто не заметил.

– Спасибо, – ответил Ягайло. – А сейчас не мог бы ты нам баньку организовать, обмыться как-то да вещички простирнуть. Вишь, уляпанные все какие. А платья женского у тебя не сыщется, отроковице переодеть?

– Платья, увы, не сыщется, да и баньки нет, постояльцы не пг'оят обычно. Но могу выставить у задней стены большую кадушку и наполнить ее теплой водой. Подойдет вам?

– Будет тебе за это от меня низкий поклон, – поблагодарил витязь. – Да не смотри, как алкающий пищи Ящер¹², и заплачу, конечно, тоже.

Ягайло почувствовал, как кто-то дергает его за рукав. Обернулся, поглядел в просительные глаза мужичка.

– Ты это, деньги землянину верни.

– Какие такие деньги? О чем ви? – замахал короткопалыми ручками хозяин, словно отталкивал что-то от груди.

– Какие деньги-то тебе вернуть? – Ягайло обернулся к мужичку.

– Да как же, – засуетился мужичок. – Я вот давеча привез два пуда репы, пшена мешок и ногу коровью, а он говорил...

– Да что я говог'ил, что говог'ил? – перебил его хозяин. – Г'епы было полтог'а пуда от силы, а нога ког'овья, та вообще...

– Цыц! – рывкнул Ягайло. – Хватит вам препираться! Слушать мочи нет. Завтра на свежую голову об том поговорим. А сейчас ключ неси, – обратился он уже только к хозяину. – Готовь иди кадушку свою, мы придем скоро. И поесть чего собери, да неси прямо в светлицу, тягостно нам будет вниз к столу спускаться.

Хозяин попятился, закланялся, раздвинул спиной отделяющую зал от кухни занавеску и исчез в пахучем нутре.

Мужик помог витязю довести уже почти не хромающую девицу до комнаты. Принесенным ключом Ягайло отомкнул замок и заглянул внутрь. Его постель осталась нетронутой, и кутыль с вещами лежал так же, как он его оставил. Лавка, на которой спал Акимка, белела темным верхом, тюфяк с нее сняли и унесли. Наверное, пропитался грязью болотной да кровью из раны. Кожаного баула, набитого всякими нужными вещами, деньгами, грамотами и прочим, тоже не было. Видать, его забрал «паломник», для того и остался, чтоб передать вернувшемуся Ягайло. Что ж, и с этим тоже завтра, а пока мыться и спать. Спутники зашли в комнату. Мужичонка не проронил ни слова, только вздохнул. Девица с интересом огляделась.

– Скромненько, да чистенько, – одобрила она. – Только бы перегородку какую поставить надо, раз ты, витязь, о второй опочивальне не озаботился.

– В тесноте, да не в обиде, тем более, что со второй опочивальней и не выйдет пока. Хозяин наверняка денег вперед затребует, а вся мошна в Акимкином бауле была. А баул... – Он осекся и замолчал.

– А сам Акимка где? И это кто? – спросила девица.

– Потом расскажу, не сейчас, – буркнул Ягайло. Зашарил по светелке, зачем-то даже заглянул под кровать. – Что б такого придумать-то тебе надеть? А то от платья хуже, чем от овина, разит.

– Да и ты, витязь, не розами пахнешь, – грубовато ответила девица.

– У меня зато порты есть переодеть да рубаха, а тебе не в мокром же ходить?

Девица заозиралась беспомощно, теребя узелок платка на шее.

– Я могу помочь, – подал голос Никифор.

– Как же ты поможешь?

– У меня в телеге под соломой платье женино лежит. Вozил к мастерице одной, вышивку сделать к Иванову дню¹³. Вот, забрал. Оно тебе, девка, великовато будет, но пока твое не высохнет, походишь, коль не побрезгуешь.

¹² Ящер в мифологии северных славян – змей, владыка подземных вод.

¹³ Иван Постный – Церковный праздник Усекновения главы Иоанна Крестителя. В этот день строго соблюдается одно-

– Спасибо, я дело твое доброе запомню, – как-то уж очень серьезно ответила та.

– Да пустое, – отмахнулся мужичок.

– Пойдешь с нами мыться? – спросил его Ягайло.

– Не, не так чтоб запачкался сильно. Схожу за платьем да кобылку проведаю, а то старая она уже, а сегодня эвон сколько поездить пришлось. – С этим Никифор развернулся и исчез за дверью.

– Хороший все-таки человек Никишка, хоть на первый взгляд и ядовит, как мухомор, – задумчиво произнесла девица. – Редко таких встретишь.

– Да господь с тобой, Евлампия, – удивился Ягайло. – Таких, почитай, каждый первый по Руси.

– При дворе князем я росла, там люди иной раз друг другу хуже волков.

– Не след нам за княжий двор кручиниться. Далеко до него. О себе думать надо. Давай уж, пошли, куда вода обещанная не остыла.

Они вышли из комнаты, и Ягайло запер дверь на ключ. Прошли узким коридором и спустились по шаткой лестнице на задний двор, обнесенный глиняной, в полтора роста, стеной. Ясенева кадушка полсажени в поперечнике манила горячим парком над темной гладью налитой в нее воды.

– Давай, Евлампия, первой полезай, пока не остыло. Обмоешься быстро, а потом уж и я. Вон и Никишка с платьем идет.

Мужичок подошел, церемонно неся на вытянутых руках платье беленого сукна. Подол был расшит золотой нитью с камешками. Павлиньи глаза, перья жар-птиц, башни и маковки невиданных городов играли-переливались в падающем из окон свете.

– Кто ж красоту такую сотворил?

– Да есть у нас девчоночка одна. Колченогая от рождения. Но, видать, что Бог в ноги недодал, в руки-то и ушло. Такая мастерица... Евлампия, слезно прошу, не заляпай.

Мужичок торжественно передал платье с рук на руки витязю и зашагал прочь. Ягайло так же, на поднятых руках, преподнес его девице.

– Ты еще на колено встань, – хохотнула она. – И будешь прям как рыцарь с картинки. Да не красней, а повесь лучше на край, а очи опусти, а еще лучше вообще уйди. Мне раздеться надо.

Ягайло пожал плечами, положил платье на край кадушки и сел спиной. Сорвал былинку и сунул в рот, прислушиваясь к плескам и вздохам за спиной.

– Витязь, – вывел его из задумчивости голос Евлампии. – Ты задремал никак?

– Нет, задумался просто. А ты уже все? – Не дожидаясь ответа, он обернулся.

Девица стояла перед ним в роскошном платье. С мокрыми волосами, покрасневшая после горячей воды. И впрямь красна, подумалось Ягайло, а что руки-ноги великоваты, так бывает, что не сvezет. Вон, мастерица, что платье вышивала, та совсем...

– Ну, ты прям не витязь, а дума боярская, – хихикнула девица. – Хватит пялиться, омывайся давай да приходи спать. Тоже намаялся, поди, за день.

– И то верно, – ответил Ягайло. – А ты ступай, мне тоже разоблачиться надо. А платье оставь, я заодно со своим постираю.

Девица кивнула и, ни слова не говоря, отправилась к лестнице. Хромоты почти не было заметно.

Вот ведь, думал Ягайло, глядя девице вослед и натирая широкую грудь ладонью, а могла бы стирку на себя взять. Бабье все-таки дело мужские порты стирать, а не наоборот. Хотя сам вызвался, чего уж теперь...

суточный пост. Нельзя рвать яблоки и варить щи. Нельзя готовить еду в круглой посуде. Если в этот день замечали в небе журавлиный клин, то ждали раннего снега и скорой зимы. Отмечается 29 августа (11 сентября по григорианскому календарю).

Он набрал в грудь побольше воздуха и опустил голову под воду, расчесал пятерней волосы, выполаскивая грязь и ил. Вынырнул. Еще раз прошелся ладонями по телу и, опершись на край кадушки, выскочил из нее одним движением. Фонтан поднятой им воды преломил и разбрызгал свет далеких звезд.

Ягайло нашарил на земле сверток с чистыми портами и рубахой. Облачился. Достал из-за голенища стоящего рядом сапога короткий тонкий нож, со скрипом провел по щекам и подбородку, сбывая обгорелые остатки былой растительности, зачерпывая горстью воду и сбрызгивая на сторону. Подумал, не подрезать ли сгоревшие волосы, да решил, что так только хуже сделает, и оставил как есть. Обтер нож о штанину и вернул на место. Почистил сырой ладонью ножны сабли, обмыл сапоги, поплескал воды на кольчугу. Бросил в кадушку грязные тряпки, приложив к ним платье Евлампии. Поводил в воде рукой, закручивая ее в глубокую воронку. Потом в другую сторону. Выгреб из кадушки и скрутил, отжимая со всей молодецкой силы. Опять бросил, покрутил туда-сюда и вновь отжал почти досуха. Золы б немного для чистоты, да песочка, подумалось ему, но для похода дальнего и так сойдет.

Огляделся, куда б повесить на ветерке, но вспомнил, что не в родной деревне. Люди тут проезжие, пришлые да ушлые, ну как попрут одежду? Свернул все пожитки в тугой узел и направил стопы свои к лестнице. Не касаясь перил, взлетел на второй этаж и замер в оторопи.

Никифор и Евлампия сидели прямо на полу под дверью опочивальни. Между ними стояло блюдо с жареным поросенком, дурашливо зажавшим в пасти печеное яблоко. Мелкими желтыми зубами мужичок оглаживал оторванную ляжку, запивая ее квасом из стоящего рядом жбанчика. Девушка же, набив полный рот, с трудом пережевывала длинную полосу мяса, оторванного от спины. По ее голым выше локтя рукам, поблескивая, стекал жир. Хорошо хоть рукава догадалась закатать, чтоб красоту-то не угваздать, мелькнуло в голове Ягайлы, а на язык вывалилось совсем другое:

– Вы что ж устроились родственника единокровного-то жрать?

– Ягайло, ты о чем? – дернув горлом, сглотнула девушка очередной плохо пережеванный кусок.

– Первый раз вижу, чтоб свиньи свиненка харчили, да руками, да на полу, – нахмурился воин.

– А чем ты думал, когда, уходя, нам ключа не оставил? – посклочничал Никифор.

– Правда, Ягайло, – примирительно пробормотала сквозь чавканье Евлампия, – мы приходим, а тут такое изобилие, а животы-то подвело, как было не отведать?

– Ты не стой столбом, дверь отпирай, чтоб приличным людям гузно на жестком не отсиживать. Да и сам поешь, – милостиво разрешил Никифор.

Стараясь не наступить в блюдо, Ягайло сунул ключ в скважину и толкнул дверь. Его спутники, не переставая чавкать, подхватили с пола снедь и занесли ее в комнату. Водрузили на стол и продолжили трапезу. Прикинув размеры поросенка и скорость, с которой он исчезал в ненасытных ртах, Ягайло развесил влажную одежду на вбитых в стену колышках и присел к столу. Одним росчерком ножа отрезал себе кусок грудки и впился в нее зубами. Теплый сок потек в горло, умопомрачительные ароматы перца и душицы защекотали нос. Только сейчас он понял, что за последние два дня у него маковой росинки во рту не было. Он заработал челюстями, сквозь хруст прислушиваясь к неторопливому разговору, который вели уже порядком насытившиеся Никифор и Евлампия.

– От люди-то живут, – жаловался Никифор. – Чтоб мне телегу справить у мастера, нужно было два года, почитай, корячиться. Поле, огород, куры, гуси, коровы две. Ни отдыху, ни продыху. Жена по ночам глаз не смыкала, над прялкой маялась. Я, бывало, наломаюсь, залезу на печку, а она сидит внизу, пальчиками тонкими ниточку скручивает да на веретено наматывает, а у меня, вот те крест, аж слеза на глаза наворачивается... А тут у них аж две телеги стоят, сеном заваленные. Да хорошие такие. Одна добротная, крепкая. Хошь лес

на ней вози, хошь сено, хошь покойника на кладбище, хошь невесту на свадьбу. А вторая вообще с крытым верхом. А внутри сиденья сделаны и мягким обиты. Кто же такое диво удумал-то?

У Ягайлы свело челюсти, волчий аппетит улетучился, а животе стало пусто и холодно.

– Что ты сказал? – медленно, с расстановкой переспросил он Никифора.

– Ты чего, витязь. – отпрянул мужичок, чуть не подавившись с испугу. – Почто глаз бешеным стал?

– Где ты видел крытую телегу? – спросил Ягайло, и голос его был звонок и остр как нож.

– Так там, за коновязью, когда свою телегу ставил. Смотрю, сена навалено горой. Не снопы, а как-то так... Не пойми что. Ну, я сенца чуть отщипнул, кобылке своей, а там край деревянный. Разгреб немного, полюбопытствовал, влез подальше, а там, значит... А рядом еще один сноп, – затараторил мужичок. – А под ним... Витязь, да не смотри ты так, боязно мне, – взмолился Никифор.

– Успокойся, Никишка. Нет ни в чем твоей вины, – ответил Ягайло, вставая.

Посмотрел на притихшую Евлампию. Та съезжилась в углу и ответила ему жалостливым, понимающим взглядом. Если телеги из княжьего обоза тут, значит, и те, кто на него напал, убил воеводиных людей, тоже неподалеку.

Ах, глупец. Если б пришел один, они б подождали, может, захотели бы выяснить, что ему удалось вызнать на болотах и удалось ли вообще что. А раз с ним девица, значит, она все рассказала, и теперь им всем, и даже ничего не подозревавшему Никифору, уготована одна судьба. И чтоб ее избежать, придется сильно постараться, с такими-то бойцами за спиной. А ведь их будут убивать первыми, чтобы никто потом не мешал разбираться с оставшимся в одиночестве витязем. Да, в первую голову надо отвести угрозу от них. Самому пойти к телегам, устроить плищ¹⁴ знатный, вызвать убийц на себя, а там уж посмотреть, кто кого в честном бою.

Ягайло обтер руки случившейся рядом тряпкой, накинул кольчугу, подпоясался саблей.

– Я уйду и дверь запру, а вы тихо тут сидите, как мыши. Да вон топчаном подоприте... Хотя она наружу распахивается. А все равно подоприте. – Он повернулся к Никифору. В руке витязя блеснул неизвестно откуда взявшийся кинжал.

– Чего это? – покосился на пол-аршина тусклой стали мужичок и отодвинулся подальше.

– Бери, бери. – Ягайло молнией провернул кинжал в руках и протянул его Никифору рукоятью вперед. – На всякий случай.

– Не, несподручно мне. Не держал в руках никогда такого оружия-то, – заелозил в углу мужичок. Глаза его расширились, все больше наливаясь страхом.

– Мне дай, витязь, – подала дрожащий, но решительный голос Евлампия. Протянула руку, пальцы ее уверенно сомкнулись на оплетке из ивовой коры.

Бой-девка, с уважением подумал Ягайло и, не оглядываясь, вышел. Замкнул дверь, тенью, чтоб не скрипнула ни одна половица, скользнул к ведущей на задний двор лестнице. Слетел вниз, почти не касаясь ступеней. Распахнул дверь.

Ночной воздух, совсем недавно казавшийся нежным и бархатистым, толкнул в грудь упругим кулаком ветра. Тревожно застрекотали кузнечики, гулко заухал филин, и даже, кажется, где-то вдалеке завывали волки. Ягайло хотел обойти круг света от одинокого масляного светильника, но передумал. Вышел на середину, осмотрелся напоказ, внутри ежась от собственной незащитности. Всего одна пущенная умелой рукой стрела... Он пошел к коновязи. Пот стекал по спине, во рту было кисло и противно. Страх пригибал к земле, тянул

¹⁴ Плищ – шум, крик, смятение, волнение.

спрятаться в отбрасываемой стеной тени, куда не проникал свет в одночасье ставших злыми и холодными звезд. За каждым шорохом, за каждым ночным звуком ему чудилась поступь врага.

Наконец дошел до коновязи. Выдохнул облегченно. Здесь, среди всхрапывающих, переступающих во сне коней, среди нескольких подвод, в компании сладко дремлющего в своей будочке деда-сторожа, он почувствовал себя в относительной безопасности, хоть особых причин тому и не было. Оглядевшись, заметил описанные Никифором стога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.